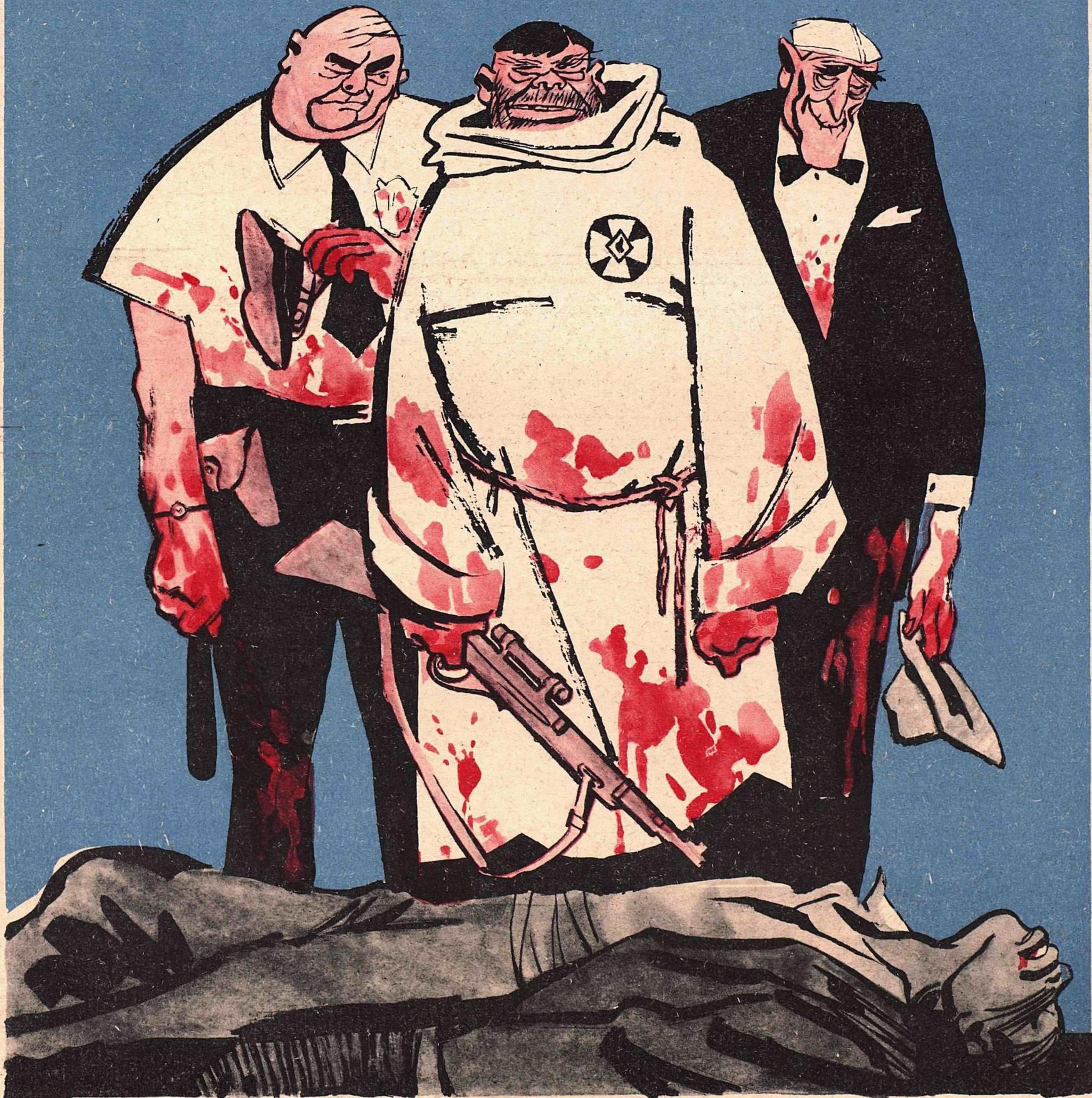

Соболезнования по поводу гибели лидера негритянского движения Мартина Лютера Кинга слышатся теперь и от тех, кто не стеснялся открыто травить его при жизни.

(Из газет.)

— НАМ СТЫДНО, МЫ КРАСНЕЕМ...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Работяга

Мой знакомый Виктор Тягин
 День и ночь всегда в труде —
 Он считает на бумаге:
 «Сколько... как... когда... и где...»
 Сколько он отхватит «грбшей»,
 Коль устроится врачом,
 Если будет он, положим,
 Зубы рвать, то зуб почем?
 Может, рвать на Сахалине?
 Подороже платят там...
 Или, скажем, рвать на льдине
 Зубы белым медведям?!
 Жаль, врачам в центральном крае
 Ни надбавок нет, ни льгот.
 Виктор Тягин так считает:
 Во врачи он не пойдет!

Может быть, пойти поэтом?
 Говорят, за строчку — рупь,
 Да и женщинам при этом
 Из поэтов каждый люб...
 Срифмовал: «картошка — кошка»,
 «Папа — шляпа» — и привет:
 Ты за «шляпу» вместе с «кошкой»,
 Вместе с «папой» и «картошкой»
 Получаешь сто монет!
 Рядом пиво, рядом воды...
 Ресторан принять готов...
 И, конечно же, у входа
 Ждут красотки всех сортов...
 Выбрал даму... Легкий ужин...
 Ха-ха-ха да хи-хи-хи...
 Если б он еще к тому же
 Мог чуть-чуть писать стихи...

Нет у Тягина таланта...
 Нет таланта? Ерунда!
 Виктор Тягин музыкантом
 Хочет стать... Вот это да!
 Скажем, воздух дал кларнету,
 Выдул ноту и проси:
 «До» — монету, «Ре» — монету,
 «Ми» — монету, «Фа» — монету,
 «Соль» — монету, «Ля» — монету,
 «Си» — монету... Как в такси!

Жаль, играть он на кларнете
 Не умеет. Как тут быть?
 Может быть, ему в балете
 Легкой ножкой ножку бить?
 Поднял даму с поворота,
 Поносил пяток минут —
 И за вредную работу
 Молоко тебе дадут!
 Ну, а если, скажем, случай:
 Ты партнерши не поймал,
 Так и знай, что не получишь
 Премияльных за квартал!

Лучше бить на барабане,—
 Это вам не бить китов:
 Ты не где-то в океане,
 От земли на расстояньи,
 А в приморском ресторане...
 — Бить так бить! Всегда готов
 Ради кругленькой зарплаты:
 За удар — не меньше ста...
 На поминках и с эстрады
 Будет бить он до упаду,
 Потому что всюду траты,
 А ему всех больше надо:
 Тра-ты, тра-ты, тра-ты, тра-ты,
 Тра-ты, тра-ты, тра-та-та!

Он не станет музыкантом:
 Тяжкий труд, и нет таланта,
 И поэтом он не станет,
 Потому что он «не тянет».
 Он не станет китобоем,
 Он не станет моряком,
 Потому что им обоим
 Настоящий труд знаком.
 А ему бы труд такой,
 Чтобы полный был покой,
 Но чтоб плата за покой —
 Самой полною деньгой!
 Чтобы брать одной рукой
 И хватать рукой другой,
 Чтобы дела никакого
 И заботы никакой...

Виктор Тягин — он такой!

— Теперь Сидоровы со своим роялем от зависти лопнут!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

**И ВЕТЕР
 УНЕС
 ЕГО
 ВДАЛЬ...**

Современник допытлив. Это доказано научно.

Теперешний гражданин копает вглубь, интересуется, почему «асфальт пробивает былинка-трава», и вообще склонен к анализу фактов.

А факты таковы:

В 15.00 по ставропольскому времени в магазин, торгующий охлажденной бараниной, заглянули два подростка с начальным образованием: «Пила» — читай «В. Пильщиков» и «Белый» — соответственно «В. Белевцев». И первое ими увиденное была тарелка, а в ней — груда медной мелочи.

Продавца не наблюдалось. Кассира тоже. Тарелка лежала плохо. Безнадзорно. Вызывающе.

И вызов был принят.

При подведении итогов (вне стен магазина, разумеется) подростки насчитали двадцать медных рублей.

— Ого! — сказал «Белый».

— Угу! — сказал «Пила». — Повезло.

Белевцеву стоило бы поднапрячь интеллект и оценить данный случай критически: дескать, «случайность пробивает дорогу в толпе закономерностей». Но он сказал:

— Проверим еще разок...

«Белый» не ошибся. Уже на следующий день, забежав с приятелями за вином в магазин № 26, он походя умыкнул из кассы двести пятнадцать рублей.

«Пила» этим фактом очень воодушевился, ринулся в продмаг № 50 и вернулся злой как черт с женской «болоньей» под мышкой. Магазин был прекрасный, и денег в кассе туча-тучей, но рука оказалась коротка. Не дотянулся. Пришлось ограничиться кассиршиным плащом.

— Не так тянулся, — резюмировал «Белый».

И двумя днями позже продемонстрировал, как это именно делается, в магазине «Восход».

Два мешочка мелочи на 85 рублей — таков был очередной улов...

Ну а дальше? Дальше известно что: «Встать, суд идет!.. Именем Российской Советской Федеративной... Белевцеву Владимиру Васильевичу лишение свободы сроком на три года и шесть месяцев, Пильщикову Владимиру Васильевичу — три года».

Это по существу дела. Но голова, как уже говорилось, служит совре-

Меня разбудил телефонный звонок.

— Серафим Егорович Вобликов заявление подал! — сказал мне мой первый заместитель, стараясь придать своему голосу ноту веселости.

— Куда же это он? — поинтересовался я тоже как можно непринужденнее.

— В город Сан-Минорио, столицу государства Тромбонии.

— Вот тебе раз! — сказал я, после чего мы оба надолго замолчали и повесили трубки, не простившись.

Ночь прошла беспокойно.

Наутро мы собрались в моем кабинете вместе с обоими заместителями и специально вызванным профоргом.

— Вот, — сказал профорг с виноватой улыбкой, — изъявил желание посетить город Сан-Минорио.

— Ишь ты! — сказали оба заместителя, не сговариваясь.

— Какие будут сообщения? — тихо спросил я, поигрывая настольным календарем.

— По Вобликову или непосредственно по городу Сан-Минорио? — заинтересовались заместители.

— Начнем, мне думается, с Вобликова, — предложил я.

— Человек он, конечно, редкостный, — сказал профорг. — Можно сказать, жуткий человек. Иметь такую физиономию, как у него, в наше время просто-напросто стыдно. Я, конечно, имею в виду его нравственное лицо. Его как бы сущность. Кроме того, дело усугубляется еще и тем, что моральный облик у него, как таковой, почти что начисто отсутствует.

— Уж не подлец ли

М. ЗАХАРОВ

ВОТ РАДОСТЬ-ТО!

он? — поинтересовался я у профорга.

— Подлец, — подтвердил мою догадку профорг. — Он даже сам этого не скрывает. Вот, полюбуйтесь!

Мы с нескрываемым интересом взглянули на написанную рукою Вобликова автобиографию, при этом оба мои заместителя, не сговариваясь, побледили.

— А вдруг он еще и мерзавец? — испуганно спросил один из них.

— Насчет мерзавца у нас вообще сомнений не было. С самого начала, — объяснил профорг.

— Так ведь эдак он может вообще негодяем оказаться? — воскликнул я.

— Нет! — мечтательно сказал профорг. — Если бы он был просто негодяем! Дело в том, что Вобликов — законченный негодяй!

— Может быть, он заодно и проходимец? — предположил я.

— Именно об этом я и хотел сообщить в первую очередь, — грустно признался профорг.

— При такой ситуации, нам думается, Вобликов, выехав от нас, наверняка останется в Сан-Минорио, — сказали оба мои заместителя, не сговариваясь.

— Может остаться! — согласился я.

— Неужели навсегда? — воскликнул профорг с радостными интонациями. — Прямо вот так уедет и не вернется?

— Не вернется! — подтвердил я догадку профорга.

— Вот радость-то! Как-то даже не верится!

блаженно улыбаясь, сказал он и облегченно откинулся на спинку стула.

— Да, тут дело серьезное, — не сговариваясь, подтвердили оба мои заместителя. — Все говорит нам за то, что мы можем навсегда его лишиться.

— А если мы его лишимся, то... что? — спросил я, прищурясь.

— Воздух станет чище! — догадался профорг.

— Верно! — сказал я. — Чище! У нас чище, а в Сан-Минорио?

Все заметно смутилось.

— У них там и так не продохнешь! — пояснил я свою мысль собравшимся. — А тут еще к ним Вобликов навсегда переселится!

После этих слов всем стало грустно. Сначала за Сан-Минорио, а потом за всю Тромбонию в целом.

— Нужно твердо помнить, — сказал я, чтобы хоть немного поднять общее настроение, — что хотя Вобликов и мерзавец, но он наш мерзавец. Исконный. Наш законченный негодяй. И никакой другой. А это значит, что нашего подлеца мы никому не отдадим!

— Правильно! Будем сами мучиться! — согласился профорг с готовностью. — Мне не привыкать.

— А может, начнем отвыкать? — предложил я, подумав. — Пусть этот проходимец едет хоть в Терракотию и не возвращается. Там наши проходимцы в почете.

— Правильно! Пусть едет. На черта он нам? — сказали оба мои заместителя, не сговариваясь.

И просиявший профорг воскликнул:

— Вот радость-то!

— Смотри-ка, а они нас обгоняют по ремонту!

Рисунок Ю. УЗБАЙКОВА

менному гражданину не только клумбой для выращивания волос. И судья усмотрел в деле некоторые частности, наводящие на конкретные размышления.

Первое размышление относилось к той легкости, с которой среди бела дня похищались деньги. За неделю четыре кассы?.. Честные кассиры честно внесли в размышление ясность. Честные кассиры честно признались, что оставляли кассы без призора, отлучались по делам личным — за папиросами, и общественным — помогали куму выбрать баранину для поминок.

Судья против поминок ничего не имел. Но счел долгом вынести частное определение:

«В магазинах Ставропольского горпищеторга крайне халатно относятся к сохранению денег в кассах».

И это было не просто литературное резюме, художественное обобщение. Для художественности красивее было бы сделать вывод о вреде курения и кумовства. «По существу, были созданы условия для хищения» — вот на что бил судья, вот чем хотел он растрезвожить директора горпищеторга.

Дерзость, с какой крали шестнадцатилетние «Белый» и «Пила», тоже была предметом для размышлений. Лезть в кассу среди бела дня — на такой риск идут не только ради денег. Тут есть еще и показное геройство. А показное надо кому-то показывать. На миру, как известно, смерть красна. И такой «мир» конкретизировался для «Пилы» и «Белого» в лице старших товарищей Владимира Фадеева, Александра Имховика и Игоря Богданова.

Во время кражи старшие товарищи пребывали в магазинах. В «официальной» части они не участвовали, зато в «торжественной» — непременно. Ловкость, лихость и беспримерное геройство «Белого» находили должную оценку в тостах, поднимаемых в кафе «Спутник». «Белый» млел и зычно говорил: «Спасибо за внимание».

Судить за «торжественную часть» по закону нельзя, но осуждать необходимо. И судья вынес второе частное определение: «Суд считает, что подобные поступки не могут оставаться безнаказанными. Фадеева и Богданова следует обсудить на комсомольском собрании, а Имховика —

на товарищеском суде завода «Красный металлист».

Было, наконец, и третье определение. Мать Владимира Пильщикова знала, что сын ворует, приносит краденые вещи. И ее критические замечания на этот счет сводились к суровому афоризму: «Сам украл — сам сумей продать».

И судья написал в административную комиссию Ленинского райисполкома: «На то, что Пильщиков встал на преступный путь, в немалой степени повлияла его мать Авзагулова Ю. Г. Она не занималась воспитанием сына, на ее глазах происходили пьяные скандалы. И вывод: «Привлечь к ответственности за безнадзорность ее несовершеннолетнего сына».

Итак, три определения в три адреса. Три конверта. Три штемпеля. И далее воображение рисует такие картины:

Горпищеторг. Сомкнутые, как провода, брови директора, искры из глаз и громовой приказ: «Храните деньги в кассах!»

Исполком. Те же искры, морально испепеляющие Авзагулову.

«Красный металлист». Заседатель-

ский графин на столе. Гул в зале. Красная скатерть. Красный от стыда Имховик...

...Так оно должно бы быть. Ведь судья сказал свое веское слово. Но адресаты молчат, полагая, что судья бросил слово на ветер, чтобы он, ветер, унес его вдаль. И это, увы, не предположение, а укоренившаяся практика. На двадцать частных определений Ставропольский городской суд получил в этом году 1 (один) ответ!.. На шестнадцать представлений о мелком хулиганстве тот же «Красный металлист» не отозвался ни словом, ни междометием.

Да что там мелкое хулиганство! Осужденный (условно) за крупный дебош фрезеровщик В. Щербаченко остался на заводе в звании ударника коммунистического труда!

Так что никаких гневных искр и красных скатертей пока не наблюдается.

А между тем, как понятно всякому, частное определение — вовсе не частное дело судьи.

Ю. АЛЕКСЕЕВ,
специальный корреспондент
Кронодила

г. Ставрополь.

Кислая история

Как-то прошлой осенью я вернулся из леса с полной корзиной опят.

Жена спрашивает: что, дескать, ты думаешь с ними делать?

Я отвечаю: думаю, дескать, мариновать.

— Ну-ну,— говорит,— мариновать, так мариновать. Но ведь тебе понадобится уксус или уксусная эссенция?

— Этого добра,— говорю,— сколько хочешь.—

И, не пускаясь в дальнейшие разговоры, быстро обошел все магазины в поселке Сортировочный. Требуемого уксуса там не оказалось.

Вот, думаю, притча какая, придется ехать в центр. Приезжаю, захожу в гастроном, что на углу проспекта Ленина и улицы Вайнера. Продавец говорит: «Нет». Иду в известный гастроном № 1, находящийся на улице Вайнера. Здесь ответ тот же. Бегу в гастроном на улице Малышева — нету.

Вышел я из гастронома и думаю: куда бежать дальше? Поблизости гастрономов нет. Постоял, подумал и вспомнил, что в этом доме на третьем этаже помещается городское управление торговли. Решил зайти. Может, посоветуют? Поднялся на третий этаж, зашел в приемную заместителя начальника горторга.

В приемной две женщины: одна печатает на машинке, вторая просто так пишет. Трое мужчин чего-то ждут.

Я говорю, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— Где ж купить уксус или уксусную эссенцию?

Стало в приемной тихо, и машинка замолчала. Все смотрят на меня. Один мужчина говорит:

— В 329-й комнате.

Я поблагодарил его и побежал по коридору искать. Подошел к двери комнаты № 329, открыл ее, смотрю — столы, за столами женщины. А к которой обратиться, не знаю. Наконец рассказал одной про свои беды.

Та говорит:

— А я что могу сделать?

Взяла трубку, стала набирать номер. Попросила к телефону Гаю. А потом начала такой разговор:

— Галя, вы получали уксусную эссенцию? Сколько осталось? К тебе подойдет человек, заверни ему парочку флаконов.

Разговор окончен, трубка положена на рычаг. Начинается инструктаж:

— Вы знаете, где находится гастроном № 1?

Я отвечаю:

— Знаю.— И рассказываю, что я там был и мне ответили отрицательно.

— Это неважно, как вам ответили. Войдите во двор и там найдете дверь. Попросите Гаю, она вам завернет.

Я пошел так, как мне было сказано.

Гаю я, правда, не застал, но на ее месте была женщина, которая выслушала меня, взяла из ящика два флакона уксусной эссенции в фабричной упаковке, вернула их и подала мне. Тут к столу подошло еще несколько продавщиц. Я стал их стыдить: почему они торгуют контрабандным путем? Я им объяснил, что был в магазине несколько минут назад и мне русским языком сказали, что уксуса и уксусной эссенции нет, а через черный ход отпустили пару флаконов. Они молчали. А я подумал про себя: при чем тут они, если их так учат торговать сверху? И почему этому предприятию присвоено звание магазина коммунистического труда?

А написал я об этом потому, что лето уже не за горами. Грибные дожди пойдут, а за ними — и сами грибы... Ну, где искать грибы, я знаю, а вот как будет с уксусом?

г. Свердловск.

П. РЕШЕТНИКОВ

Секрет успеха

Недавно, оказавшись в Саратове, прочитал я газетное сообщение, что на соревнованиях по многоборью отличился мастер спорта Василий Крынкин.

— Васяна Крынкин? — не поверил я своим глазам. — Не может быть. Наверное, однофамилец.

Вася учился со мной в одном классе. Вернее, не столько учился, сколько болел. Вечно кашель, насморк, флюсы. Он, по-моему, и завтракал в основном одними таблетками. Бегал он хуже последней девчонки, а прыгать вообще не умел.

С тех пор прошло почти десять лет. Не случилось же чудо! А вдруг?.. Короче, через час сидел я в уютной квартире на пятом этаже где-то на краю города. Сидел в окружении кубков, вымпелов, медалей и бицепсов моего друга.

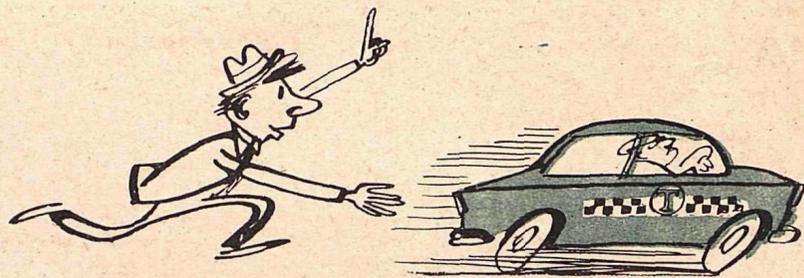
Поговорили о том о сем, вспомнили однокашников, а потом я спрашиваю, с помощью какого чуда превратился он из доходяги в богатыря. Не окупался же он, черт возьми, в живую и мертвую воду!

— Зачем окунались? Моими успехами я обязан исключительно вот ей! — И он вежливо постучал по стенке. — Я о квартире моей толкую. Вот кто меня в люди вывел. Пятый этаж без лифта — это же для спортсмена сущий клад. При умелой тренировке и ездить нигде не надо. Казбек на дому. А транспорт возьми. Что еще нужно многоборцу? Утром и вечером в часы «пик» — тут тебе и закуска на ветру и морозе, и бег за лидером, то бишь за автобусом, и подтягивание на руках, и акробатика, и ритмичный вдох и выдох... Ну, а возьми наш образцовый, он же единственный на весь микрорайон продовольственный магазин. Где, скажи, найдешь еще такие условия для выработки скорости и реакции? Попробуй одновременно занять четыре очереди к разным продавцам и три очереди в кассы, да при этом не перепутать названия отделов, чеки, впереди и сзади стоящих... Особенно я люблю по субботам либо по воскресеньям порожнюю посуду сдавать. Займешь очередь — и целый день на лыжах. А если лето — на байдарке. Под вечер придешь, часок постоишь и спокойно сдашь всю тару... Есть у нас и спортивный клуб. Это автоматная очередь. У нас телефон-автомат, как врач в слаборазвитых странах, — один на десять тысяч населения. Если, конечно, работает. Все новости обсудим, календарь игр, перспективы команд... Так что, как видишь, квартира и сделала меня тем, кем я стал... Но только, между прочим, хочу поменяться.

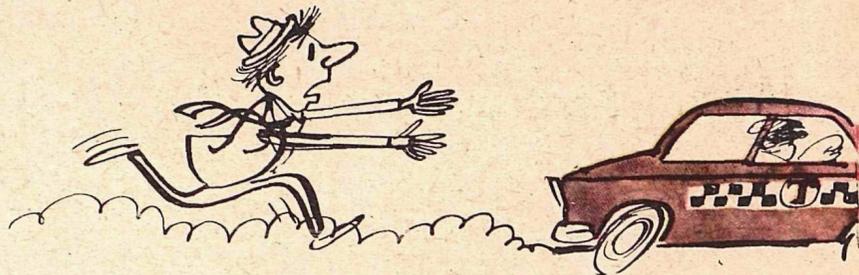
— Что случилось?

— Да ничего, только чувствую — форму теряю. Посуди сам: второй магазин заканчивают. АТС подключили, так что и спортивный клуб распадается. Говорят, даже новый ларек по приемке посуды открывать хотят. Я понимаю, это уж, конечно, болтовня, но все равно, не те условия для тренировки. Что делать?.. Впрочем, постой. На днях, понимаешь, позвонил один знакомый из Ленинского района, Николай Яковлев. Говорит, что у них для меня идеальная обстановка: территория захлавлена и магазинов мало... Может, поменяться с ним квартирами? Глядишь, еще годик продержусь в форме.

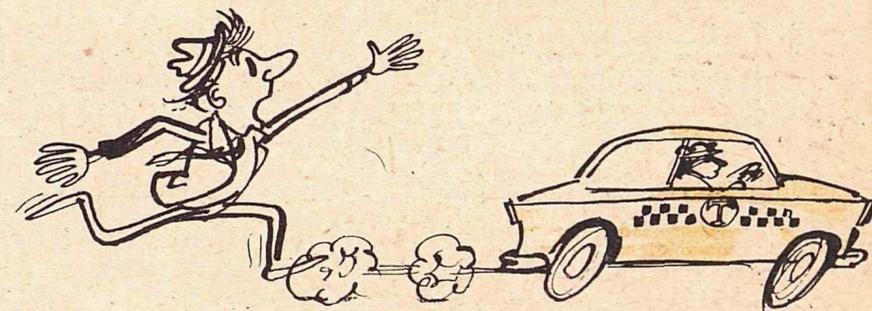
Им. ЛЕВИН

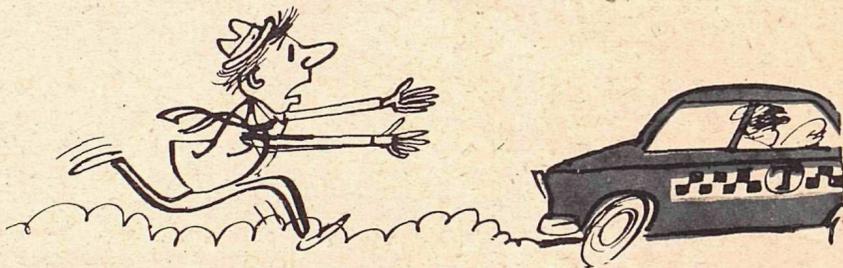
— Такси!

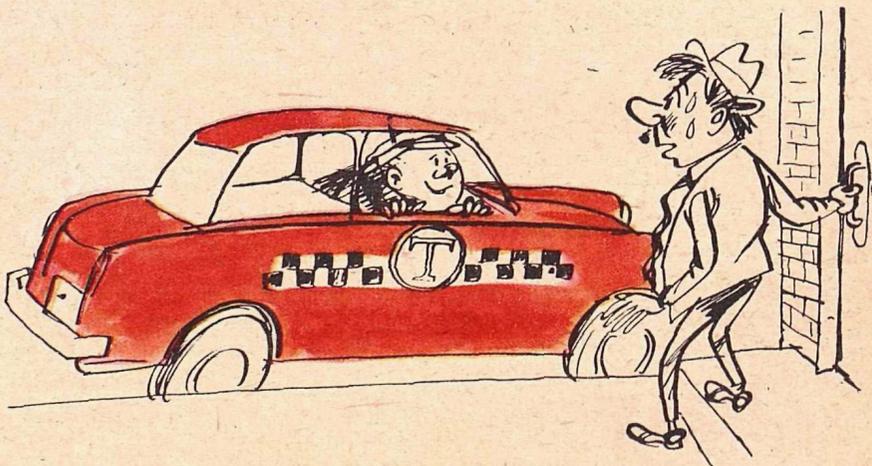
— Такси!

— ТАКСИ!!

— ТАКСИ!!!

— Куда вам ехать?

— Спасибо, я уже дома...

Рисунок Б. САВКОВА

Миермилис СТЕЙГА

С а м о о б с л у ж и в а н и е

Два ведра ВОДЫ

Начинающий техник-смотритель Виталий Кочетыков сидел у себя в жилищной конторе и с увлечением читал статью о плюсах и минусах минувшего футбольного сезона. На мой приход, о котором визгливо оповестила скрипучая дверь, Кочетыков не обратил ни малейшего внимания.

— Виталий Васильевич! — торопливо заговорил я, не без основания опасаясь, что юный хранитель общественного жилого фонда снимет палец с прижатого газетного абзаца и опять займется анализом минувших футбольных баталий. — Понимаете, Виталий Васильевич, у меня подтекает водопроводный кран.

— Давно потек или только что?
— Со вчерашнего вечера.
— Очень сильно или не очень?
— Не так, чтобы уж очень сильно, но, знаете... тоненькой-тоненькой струйкой. Не толще ниточки.

— И много уже вытекло?
Я хотя и не измерял утечку жидкости, но, застигнутый вопросом техника врасплох, неуверенно ответил:

— Ерунда, ведра два, не больше.
— По-твоему, два ведра — это ерунда, а? — Сидящему Кочетыкову было несподручно смотреть на меня, и он, чтобы не заирать высоко голову, откинулся на спинку стула. — Да ты, старик, когда-нибудь задумывался над проблемой сбережения водных ресурсов? А? Это во-первых. А во-вторых: ты представляешь, что может получиться, если из всех водопроводных кранов за ночь будет вытекать по два ведра воды, а?

Я отрицательно покрутил головой.
— Все ясно! — пришел к заключению Кочетыков. — Ты, старик, заражен потребительскими тенденциями. Твое дело — потреблять воду, а все остальное тебя не волнует. Так вот: если из всех кранов за ночь вытечет по два ведра, то может Волга выйти из берегов!

— Потому и пришел, — отвечая технику, — чтобы не случилось стихийного бедствия.

— Поздно ты пришел, вот что! — упрекнул техник. — Ты пришел уже после того, когда фант совершился и вода в количестве двух ведер ушла в неизвестном направлении. А ведь всего этого можно было избежать, заранее предупредить течь крана в самом его зародыше. Для этого надлежало проявлять постоянную заботу об исправности санитарно-технического оборудования, проводить необходимые профилактические мероприятия, своевременно что надо подкручивать, где требуется — подвешивать и подвинчивать. Но ты никакой профилактики не делал. Вот и получилось так плохо...

Упреки Виталия Васильевича помаленьку начали буравить мое сознание. Слушая его, я невольно подошел к горькому убеждению, что прожитая мной долгая жизнь и в самом деле оказалась напрасной и пустой, поскольку я не постиг даже такой простой премудрости, как профилактический ремонт водопроводного крана... Я готов был с интересом слушать его и дальше, но вдруг спохватился: вода-то у меня дома течет да течет...

— Виталий Васильевич, мне бы поскорей слесаря.

— Слесаря нету. Сегодня у него день рождения.

— Как же быть-то? Вода-то течет!

Виталий Васильевич о чем-то задумался. А задумался, как мне казалось, он о том, что, пока слесарь гуляет на собственных именинах, из-за подтекающих кранов вздувается Волга, на прибрежные города и села надвигается стихийное бедствие, неся гражданам разные неприятности.

— Так ты говоришь, вода-то течет? — переспросил техник.

— Течет, Виталий Васильевич, течет!

Он посмотрел на меня и решительно махнул рукой.

— Ну и пусть течет! Вся не вытечет!..

И, уткнувшись в газету, опять занялся анализом минувших футбольных баталий.

И. КОСТЮКОВ

— Сотрудники нашего учреждения очень избалованы, — заявил я на производственном совещании. — Пора перейти на самообслуживание. Это в духе времени... Разве мы сами не в состоянии мыть полы? Для этого вовсе не надо быть инженером. Итак, условимся. Работу уборщицы на общественных началах впредь будет выполнять технолог Звайгзните. Она энергичный молодой специалист, справится. Можно вычеркнуть из штатного расписания и курьера. Начальник производственного отдела Абеде всю жизнь борется против ожирения. Несколько прогулок в день на свежем воздухе пойдут ему только на пользу. Обязанности шофера возмет на себя инженер Саукумс. Он только что получил водительские права. Словом, товарищи, переходим на самообслуживание.

Нашу инициативу заметили, подхватили. Стали популяризировать в печати. Появились последователи. Новое движение приняло широкий размах. В этом я вскоре убедился на опыте.

Однажды в столовой над окошком выдачи блюд я увидел табличку «Консультация». Вручив мне «Книгу о вкусной и здоровой пище», повар-консультант приветливо пояснил:

— Возле плиты найдете мясо, картофель, капусту и другие продукты. Можете приготовить себе обед по вкусу. Приятного аппетита!

В сапожной мастерской я прочел плакат:

«Умешь рвать обувь — учишь ее чинить! Все необходимое можно приобрести у нас. Консультации для начинающих по четвергам и субботам с 12.00 до 16.00».

В швейном ателье, где я хотел заказать брюки, меня порадовал художественно оформленный лозунг «Шейте сами!».

Но главный сюрприз ожидал меня дома.

— В субботу ваша очередь топить котлы центрального отопления, — официально сообщил председатель домового комитета. — В воскресенье будете мыть лестницу, а во вторник уберете улицу.

Я схватился за сердце. К счастью, председатель домкома успел меня предупредить:

— Не падайте в обморок, товарищ директор. В больницу придется топтать пешочком. «Скорая помощь», следуя вашему почину, тоже перешла на самообслуживание.

Перевод с латышского
Л. ВОЛЬФА

НЕПРОБИВАЕМЫЙ

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Бывалым охотникам известны сотни самых различных способов добывания дичи. Тут и охота с чучелами на пернатых, на зайца загонем, на барсука с таксой, на лису с флажками, на волка с вертолета и, если желаете, на медведя с рогатиной.

Но спортивно-охотничья мысль не стоит на месте, охотничий арсенал пополняется все новыми и новыми способами лесования и полевания, и вполне возможно, что справочники и календари охотника скоро пополнятся изобретенным на Полтавщине способом, который мы предлагаем назвать «охотой с милицией».

Способ этот до смешного прост. Оказывается, охотнику совершенно не обязательно ни свет ни заря сидеть с ружьем в камышах и, затаив дыхание, ловить посвист крыльев чирка или кряквы. Не нужно также морозной лунной ночью выкладывать для приманки зайцев морковку, а самому щелкать зубами в колючем стое сена.

Отправляясь на охоту, не обязательно брать с собой собак, флажки, чучела и прочие принадлежности. Можно оставить дома даже ружье. Вместо всего этого нужно позвонить в милицию — и вся ходячая, бродячая, летающая и плавающая живность будет вашей.

Бах — и в сумку!

Звонить, разумеется, следует не в городскую, а в сельскую милицию. И не в любой район, а туда, где государственные заказники кишмя кишат дичью.

Хорошо знающие свой край полтавчане обычно звонят в Кобеляки. Телефонный звонок — и загонщики в милицеевских шинелях и форменных фуражках с красными околышами уже трещат на мотоциклах, окружая место будущей охоты.

— Что? — перебьет неосведомленный читатель. — Зайцы и прочие зверюшки, увидев милиционеров, тут же строятся повзводно и выходят навстречу стрелкам?

Нет. Милицейские шинели производят впечатление не на

На зайца с участковым

зайцев, а на штатных егерей и защитников природы на общественных началах. Встретив в заказнике охотника в латаной фуфайке и мятом картузе, защитник природы немедленно призовет нарушителя к ответственности, а вот увидев милиционера в полной форме, вытянется в струнку да еще прищелкнет каблучками.

Если милиционер прибыл в заповедник, значит, по делу. Милицию контролировать не надо. Она сама знает, что делает!

Пропустив с дороги по традиционной стопке, гости берут в руки ружья, а хозяева взваливают на плечи мешки с чучелами и флажками. Если гостю вследствие его высокого положения затруднительно ходить пешком, хозяева организуют стрельбу из лимузина. Не беда, если приезжий не обладает сноровкой стрелять по движущейся цели, — на этот случай зайца или утку привяжут.

Бах — и в сумку!

Вот как описывала одну из таких охот с милицией украинская «Рабочая газета»:

«...Бьют они в приписных заповедниках зайцев из-под фар. Но остаются ненаказанными. Долго не могли охотники понять, почему кобелянская милиция покровительствует нарушителям. Но вот произошел случай, который раскрыл глаза на многое.

«В конце ноября, — пишет егерь Гончар, — я услышал стрельбу в урочище Темновцы. На месте увидел и охотников с девятью собаками (две охотничьи). Среди охотников узнал Михаила Черевка и милиционера Казанка. Они посмеялись надо мной, а затем стали угрожать».

Председатель низового охотничьего коллектива Иван Тараненко пишет: «В конце ноября мне сообщили, что в приписном хозяйстве бьют зайцев. Я выехал, напал на след автомашины. И первым, кого я встретил на «поле боя», был сам начальник кобелянской милиции Титаренко... Он остановил меня, обругал и велел убираться из хозяйства».

«Следует надеяться, — взывала газета, — что в Кобеляках и в Полтаве есть инстанции, которые наставят на путь разума не в меру азартных охотников».

И что же, после выступления газеты охотников постигли неприятности? Нет, неприятности постигли тех, кто вздумал писать в газету.

Обрушив свой гнев на начальника милиции Титаренко, «Рабочая газета» деликатно умолчала о том, что он всегo навсего исполнял обязанности милицейского егеря при высочайшем начальстве — тогдашнем секретаре Полтавского обкома И. П. Горбоконе и секретаре Кобеляцкого райкома С. И. Бехе. И, быть может, именно по этой причине из всех полтавских и кобеляцких инстанций откликнулась одна — областное управление охраны общественного порядка.

Представитель управления прибыл в Кобеляки и засучив рукава принялся «наставлять на путь разума»...авторов писем в газету. Он приглашал их в милицию по одному и брал показания.

Представитель управления проверял письма с такой дошностью, что авторам их стало казаться, что они погрешили против истины. Егерь Гончар, просидев в милиции до часу ночи, под конец заявил, что видел в заказнике не охотников с девятью собаками (две охотничьи), а одиннадцать собак без охотников.

После этого изрядно струхнувших свидетелей отвезли на милицейской автомашине в лес, где в течение дня проделывали с ними всевозможные следственные эксперименты.

После этих экспериментов и процедур у селькоров не оставалось никаких сомнений, что и собаки и егеря в милицейских шинелях им просто приснились. И когда их перед тем, как отпустить домой, спрашивали, не видели ли они случайно в лесу милиционеров, они четко и без запинки отвечали:

— Никак нет, гражданин начальник, не видели!

И все же с жалобщиками в тот раз, по-видимому, обошлось слишком мягко. Потому что не успели отзвучать отголоски стрельбы в урочище Темновцы, как «Рабочая газета» уже напечатала письмо председателя кобеляцкого районного общества охотников П. П. Письменного о браконьерстве в заповеднике на Сытняковом болоте.

«В один из разрешенных для охоты дней, — писал П. П. Письменный, — в заповедное хозяйство прибыли участковый уполномоченный милиции по Ивановскому сельсовету лейтенант Григорий Еременко с группой работников из Кобеляк и Новых Санжар. Тут были следователь Манько, офицеры милиции капитан Сальный, лейтенант Смирнов.

...Возвращались они с охоты крадучись. Они знали, что занимались браконьерством. По сведениям районного совета УООР, было убито более 200 уток».

«Следует надеяться, — добавляла от себя газета, — что Министерство охраны общественного порядка и Полтавский обком КП Украины дадут надлежащую оценку работникам кобеляцкой милиции и другим особам, которые принимали участие в разгроме».

Что за «другие особы» охотились в заповеднике на Сытняковом болоте и для кого персонально была организована охота с милицией, установить не удалось. Но апелляция в адрес Министерства охраны общественного порядка не осталась безответной. Министр наложил на браконьеров Манько, Сального и Еременко административные взыскания и дал указание начальнику областного управления строже следить за действиями своих подчиненных.

Получив приказ министра, в кобеляцкой милиции умозаключили, что либеральничать с писаками не следует, и по-

вели на П. П. Письменного наступление по всей уголовно-процессуальной форме.

Тут как-то так получилось, что на Письменного, безупречно проработавшего на посту председателя общества охотников двадцать лет, поступила анонимка, в которой он обвинялся во всех смертных грехах: взяточничестве, казнокрадстве, лихоимстве, вымогательстве. А именно: получил взятку в виде 3 килограммов тарани и полмешка капусты, присвоил 428 килограммов проса, 1 тонну угля и 20 столбиков для забора. Анонимку проверили. Факты как будто бы подтвердились.

Начальник райотдела милиции А. А. Сакун, сменивший на этом посту ушедшего на пенсию Титаренко, написал представление в райком. В райкоме представление проверить не стали. Ведь готовили его люди серьезные, имеющие опыт в своем деле!

На собрании первичной парторганизации с сообщением о преступных делах главы кобеляцких охотников выступил оперуполномоченный ОБХСС Рябека. Затем высказывались коммунисты. Они говорили примерно так:

— Письменного мы знаем как кристально честного человека и, что он присваивал чужое, не верим. Но в то же время мы не можем не верить и представителю милиции. Милиция знает, что делает!

И председателю общества охотников объявили партийное взыскание за злоупотребление служебным положением.

Письменный обжаловал это решение в райком. Представление милиции проверили и выяснили, что все в нем, за исключением трех килограммов тарани, принесенной одним из охотников в лес и съеденной коллективно на привале, вымышлено.

Расчет милиции был прост: мы напишем представление, нам поверят, а Письменного накажут. А потом пусть разбираются, что к чему, где правда, где неправда.

Так и случилось. На должность председателя районного общества охотников стали подбирать другую кандидатуру. Подбирали долго, пока не вспомнили о бывшем начальнике милиции Д. Л. Титаренко, заядлом следопыте и организаторе охоты с милицейскими егерями. Его и рекомендовали.

А чтобы пилюля, которой угостили П. П. Письменного, не казалась слишком горькой, ее позолотили. Провожая председателя общества охотников на заслуженный отдых, торжественно вручили ему почетные грамоты райкома, райисполкома и общества охраны природы.

Сальный, Манько и прочие милиционеры-браконьеры спокойно продолжают совершенствоваться в стрельбе по заповедной дичи. Недавно их снова видели в одном из заказников. На этот раз они сопровождали районного прокурора Петренко.

Охота с милицией тем хороша, что проходит без неприятных последствий для ее участников даже в тех случаях, когда в дело вмешиваются республиканская печать и сам министр охраны общественного порядка Украины.

А. ГОЛУБ,
специальный корреспондент Крокодила
Полтавская область.

Иван С МИРНОВ

У СОННОЙ РЕЧКИ

— Что за охота
На диване киснуть
Иль по асфальту
шастать в выходной?
Айда со мной —
Места поклевки выznать,
Хлебнуть ушицы...
Тяпнем по одной!

Так говорил приятель,
Блесны ладя,
Укладывая удочки в чехол.
И я представил
Синь зеркальной глади
И шалаша гостеприимный холм,

И модницы бездомной
кукованье,
И жар костра, где варится еда.
Всамделе — стыдно киснуть
на диване,
И я сказал решительно:
— Айда!

Приятель был неутомим
на речке,
И на крючок
отменной остроты
Он нацеплял, чтоб не было
осечки,
Червей неотразимой красоты.

Рыбацкое изменчивое счастье
На быстрине и в заводи пытал,
Роптал, что даже окунь
безучастен
К той красоте,
разящей наповал.

Я утешал:
— Побереги-ка нервы!
Развел костер
и приготовил чай.
Потом достал из рюкзака
консервы:
— Ешь, рыбные!
Проголодался, чай...

Огни костра,
как будто лемехами,
Пахали залежь
все густевшей тьмы.
А в сонной речке
звезды полыхали,
Ворочались пудовые сомы...

МОЛОДОЖЕНЫ

Он. Она. Как два подростка,—
Нет беспечнее четы!
У него в руке — авоська,
У нее в руке — цветы.

В той авоське —
Пять картошин,
Две морковки,
Рыжий лук.
Крепко верит в суп хороший
Начинающий супруг!

На второе что замесит
Эта милая чета?
Иль, пока медовый месяц,
Поцелуями сыта?

Глубоко вздохнул прохожий,
Хоть и сам не дуже стар:
— Молодые до чего же!
Вместе ходят на базар...

— Ворона как каркнет... Он, сыр-то, и выпал..

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

И БУДУТ РУГАТЬ

Вы не знаете доктора Эдварда Бернса? Мы охотно вас с ним познакомим. Мистер Бернс — представитель специального ведомства американского правительства по связи с прессой. Отсюда следует, что Эдвард Бернс, как, впрочем, и другие сотрудники ведомства, — это своего рода рупор правительства США. Все, что хочет заявить американское правительство не прямо, а, так сказать, окольным путем, выскажет доктор Бернс.

Итак, означенный Эдвард Бернс держал недавно речь в Нью-Йорке. В Международной ассоциации по рекламе. Чтобы шире отклик был.

— Уважаемые дамы и господа! — начал он. — Мне не хотелось омрачать ваше светлое настроение, но моя сегодняшняя речь, увы, не доставит радости ни мне, ни вам. Как ни прискорбно, но за границей стало модой и даже традицией ругать... э-э-э, критиковать нас, американцев, с применением весьма крепких, порою очень обидных слов. Я уж не буду говорить, что мы почти смирились с той бранью, которую бросают нам в лицо в Азии, Африке, Латинской Америке. Нас стали крыть на чем свет стоит даже самые близкие друзья, наши союзники. — англичане.

Не буду голословным. Сотрудники нашего ведомства провели специальное исследование и установили, что, как только англичанин произносит имя важной американской персоны, он тут же добавляет одно из следующих выражений: агрессор, наглец, грубиян, сексуальный маньяк, выжига и так далее. Поверьте, мне очень обидно.

Доктор сделал паузу и обвел взглядом присутствующих. Их лица были мрачны. Он отпил глоток содовой из стакана и продолжил уже решительно и твердо:

— Мое ведомство во что бы то ни стало прекратит это безобразие. Мы рассмотрим любые предложения, примем самые радикальные меры,

чтобы нас перестали ругать. И прежде всего в Англии, где сейчас так много американцев. Вам ведь известно, что после того, как Франция столь негалантно выдворила наши доблестные войска, им пришлось перебазироваться в Англию.

Так вот, того, кто лучше всех придумает, как прекратить поток ругательств в наш адрес, мы наградим премией в 4 500 долларов. Подумайте над этим, господа, дело стоящее.

Эдвард Бернс допил остаток содовой и сошел с трибуны. Аплодисментов не было. К приглашению принять участие в конкурсе собравшиеся отнеслись явно прохладно. Удрученный доктор Бернс спустился в бар и, попросив порцию виски, глубоко задумался.

Он думал о том, что конкурс вряд ли будет иметь успех. Даже несмотря на 4 500 долларов. Ведь проклинают и оскорбляют американских империалистов заслуженно. Агрессоры? Точно. От фактов никуда не денешься. Варвары? Да. Напалм против детей и стариков, жестокие карательные экспедиции. Помешательство на деньгах и сексе? Увы, тоже верно...

* * *

Все, что мы рассказали, — сущая правда. И исследовательская работа ведомства, где служит доктор Эдвард Бернс, и благоухающий букет оскорблений, коими англичане награждают американцев, и речь Бернса в Международной ассоциации по рекламе, и конкурс, и премия в 4 500 долларов — все это почерпнуто из корреспонденции агентства Рейтер из Нью-Йорка.

К фантазии авторы прибегли только в заключительной части фельетона. Уж очень нам хотелось, чтобы доктор Бернс на самом деле задумался. И не только Бернс, но и его шефы. И шефы его шефов.

Р. АВАКОВ,
Ю. АЙЗМАН

В результате колоссального роста расходов внешнеполитические авантюры золотой США катастрофически сокращаются.

(Из за...

Письмо
председателя НДП

Адольфа

ФОН ТАДДЕНА

послу США в ФРГ

Джорджу Макги

Господин посол!

Недавно во время пребывания в Штатах вы заявили, что «в ФРГ нацизм не возродился».

Узнав об этом, я подумал: «Вот что значит дипломат!» Я ведь и сам дипломатичаю, прикидываюсь невинным демократическим ягненком. Но, видно, вы переиграли. От моих друзей из Штатов посыпались письма, одно ругательнее другого. «Если, — пишет мне старый американский приятель, — наш посол прав, то ты, Адольф, жалкий хвастунишка! Мы-то думали, ты возродил партию безвременно почившего фюрера, а оказывается, ты бьешь баклуши!» И все в таком духе, сплошные оскорбления.

Вот какая буря поднялась из-за вашей дипломатии, г-н посол! Тут уж, хочешь не хочешь, молчать нельзя, придется мне ответить вам откровенным письмом.

Мы есть. Мы цветом и пахнем. Мы и вглубь. Мы становимся такой о даже федеральный министр Фин Штраус и тот изволил признать: «И тельствах придется пойти на коалици

У нас отличнейшие отношения юстиции Хейнеманом. Этот любезне дело удостоверяет, что мы основы рываем. Чудак! Зачем нам подрыв да конституция дает нам зеленый с направлениях? Если же случается шество и какой-нибудь субчик пис спуску не даем. Наверное, уже слыш нер заявил: «НДП портит боннский на этом ландшафте самый яркий ц тить НДП!» Я тут же пожаловался

НЕ ЗВЕНИТ...

Рисунок Ю. ГАНФА

развиваемся вширь
и углубимой силой, что
исков Франц-Йозеф
При известных обстоя-
тельствах с НДП».

... с министром
... господин то и
конституции не под-
... эти основы, ког-
... всех боннских
... чрезвычайное прои-
... против нас, мы
... шали, министр г-н Ве-
... ландшафт». Да мы
... веков, а он: «Запре-
... господину федераль-

ному канцлеру, направил ему открытое письмо: «Призо-
вите г-на Венера к порядку, иначе мы...» И что же? Ве-
нер словно язык проглотил.

Короче говоря, г-н посол, добились мы немало.

Или вы в самом деле считаете, что мое детище все еще
в пеленках? Может быть, ваши слова о том, что нацизм
ужасен у нас и не пахнет, надо понять как призыв: шире,
мол, шаг, звонче голоса, фон Тадден и компания!

В таком случае, глубокоуважаемый г-н посол, прижи-
те мою сердечную благодарность за то что дружески
нас подхлестнули. Заверяю вас конфиденциально: мы
удесячим усилия!

С уважением

Адольф фон ТАДДЕН

Подготовил к печати Д. УМАНСКИЙ.

Душители и гонители

В Крокодильский комитет по присуждению медали «ДИГ» — «душителю и гонителю» — поступил материал на премьер-министра Южно-Африканской Республики Балтазара Форстера. Хотя расизм правителей ЮАР давно уже стал притчей во языцех, мы все же решили еще раз проверить истинное положение вещей и попросили нашего корреспондента методом телепатии взять несколько интервью у правителей страны. Первое интервью было получено у министра внутренних дел Ле Ру.

Корреспондент. Господин министр, как вы относитесь к сообщениям иностранной печати о жестокостях апартеида в вашей стране?

Ле Ру. Какой, вы говорите, печати?

Корреспондент. Иностранной.

Ле Ру. Не знаю, не читал.

Корреспондент. А резолюции Организации Объединенных Наций?

Ле Ру. Первый раз слышу.

Корреспондент. Ну хорошо, я вам объясню. Сейчас проходит международный год прав человека, и люди во всем мире...

Ле Ру. Простите, но какое это имеет к нам, к ЮАР, отношение?

Корреспондент. Общеизвестно, что в ЮАР лишь три с половиной миллиона белых имеют определенные права. Пятнадцать же миллионов цветных граждан совершенно бесправны.

Ле Ру. Позвольте, позвольте, это какое-то недоразумение! Совершенно неверно, будто пятнадцать миллионам цветных отказано в правах. Права человека может иметь лишь человек, а называть африканца человеком — это грубая стилистическая и политическая ошибка. Так что с законностью у нас все в полном порядке!

* * *

Второе интервью было взято у министра юстиции, полиции и тюрем Пельцера.

Корреспондент. По имеющимся сведениям, правительство ЮАР совершенно не заботится о своих цветных гражданах. Так ли это?

Пельцер. Что-о-о? Типичная клевета! Судите сами. Каждый цветной в нашей стране обязан носить при себе пухлый, пятидесятистраничный паспорт — «референс бук», в котором заботливо зафиксирован каждый его шаг и вздох. Помножьте пятьдесят страниц на миллионы цветных, и вы увидите, какие мы несем расходы. Причем совершенно бескорыстно, не надеясь даже на благодарность африканцев.

Корреспондент. А тюрьмы?

Пельцер. Вот-вот, о тюрьмах я как раз и хотел сказать. Всего за год через наши тюрьмы проходит свыше миллиона цветных. Можно ли после этого говорить, что цветные лишены нашего внимания? Мало того, ЮАР — единственная в мире страна, где существуют частные тюрьмы для цветных, строящиеся и содержащиеся на деньги белых фермеров. Вы и представить себе не можете, насколько благоприятно эта конкуренция между государственным и частным секторами отражается на развитии тюремного строительства!

Я горд сообщить, что мы в государственном секторе стараемся все-таки не отставать от частного. После принятия «Закона о подавлении коммунизма» мы предельно упростили правила ареста. Достаточно одного критического слова по поводу доктрины апартеида — разделения белой и черной расы, как человек автоматически причисляется к коммунистам и мгновенно попадает в тюрьму.

* * *

Третье и последнее интервью дал сам премьер-министр ЮАР Балтазар Форстер.

Корреспондент. Ваша печать пишет о «достижениях» апартеида...

Форстер. Еще бы! Существует почему-то мнение, что мы мало заботимся о цветных. На самом деле это не так. Возьмем, например, образование. Мало кто знает, что число цветных школьников почти достигло численности полиции — тридцати тысяч человек. Мало того, из каждых десяти тысяч цветных школьников семь становятся студентами, а всего в стране сейчас имеется двадцать цветных студентов. Целых двадцать человек из пятнадцати миллионов — разве это мало?

Корреспондент. Что вы можете сказать об экономическом положении цветного населения ЮАР?

Форстер. О, это источник нашей непреходящей гордости! Возьмите, например, концлагеря в Сутей или на острове Роббен. Несмотря на то, что наша страна невелика, они почти не отличаются от подобных построек в Европе, возведенных в свое время Гитлером, о котором мы здесь так часто и с такой теплотой вспоминаем. Разве это не прогресс?

Корреспондент. Каково, с вашей точки зрения, будущее развитие апартеида в ЮАР?

Форстер. А зачем его развивать? Апартеид и так весьма совершенная система, при которой цветные живут в отдельных районах, сидят в отдельных тюрьмах, умирают в отдельных больницах и покоятся на отдельных кладбищах. К сожалению, до сих пор они дышат тем же воздухом, что и белые. Вот над этим упущением мы как раз сейчас и работаем, хотя, надо сказать, проблема разделения воздуха чертовски сложна...

* * *

Крокодильский комитет по присуждению медали «ДИГ» — «душителю и гонителю» — единодушно решил вручить ее премьер-министру ЮАР Балтазару ФОРСТЕРУ и в его лице всем расистам Южной Африки.

БУМАГА ТЕРПИТ

— Я же предупреждал, что это к ссоре!
Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

МИМОХОДОМ

Атеист божьей милостью.

Если не знаешь, чем заняться в рабочее время,— работай.

У гипногизера была внушительная внешность.

По дороге из треста в главк не заходи в кино: там ты можешь встретить своих сослуживцев.

Юбилей пришлось отложить: юбиляру не давали его лет.

Автоинспектор привык объясняться знаками.

Болея за производство, в санчасть без нужды не бегают.

С. МАРКОВ

Было так.
Обожженные солнцем и просоленные морем красавцы катили бочки. В бочках была мадера.

— Вира! — задирая бороды вверх, кричали красавцы.

Мадеру грузили на корабль. Мадеру отправляли в плавание.

Долгие месяцы вино в трюмах гуляло по морю. Его трепали свирепые штормы, жгло солнце, и застенчивые дельфины удивленно тыкались лоснящимися носами в обшивку корабля. А потом мадера возвращалась туда, откуда начинала свой путь.

— Майна! — кричали в порту.

И свершалось чудо. Вино облагораживалось. То ли оказывала благотворное действие морская качка, то ли солнце на море пекло не так, как на суше, но после плавания мадера приобретала тонкий букет. Это был тот случай, когда транспортные издержки приносили прибыль. Вино становилось лучше. И, следовательно, дороже.

А теперь я прошу прощения, потому что все вышесказанное не имеет никакого отношения к сказанному ниже. Лирическая часть повествования закончена. Начинается деловая часть, трезвая, как растительное масло, и сухая, как шелест бумажных страниц. Кстати, речь пойдет именно о бумаге.

Было так.

Усталые мужчины со следами вчерашней полочки на лице катили пухлые рулоны фильтровальной бумаги. Не было ни соленого грохота прибоя, ни мачт, ни парусов, ни игривых дельфинов, ни радужных, нежно дрожащих медуз.

Была железнодорожная накладная № 179938.

Были также накладные №№ 118492, 632833 и 970010. Всего — на 32 220 кг лабораторной фильтровальной бумаги. Бумагу отправляли с Лальской бумажной фабрики (Кировская область) в Псковское областное аптекоуправление.

— Вира! — шептали усталые мужчины, с ненавистью вспоминая вчерашнюю полочку.

Свистели тепловозы, лязгали автосцепами вагоны, и бумага отправлялась на запад, в далекий город Псков, за полторы тысячи километров от родной Кировской области.

Фильтровальная бумага прибывала в город Псков и под приветственные возгласы «майна» и «вира» переправлялась на склад аптекоуправления.

Ах, если б на этом фельетон можно было закончить! Как это было бы положительно! Погрузили бумагу, перевезли бумагу, разгрузили бумагу — и все. Загорается свет. Счастливые зрители топчутся в сторону выхода. Ах, если бы...

Увы, неумолимые законы жанра заставляют события развиваться дальше. Оставайтесь на своих местах, граждане! Закончилась лишь первая серия.

На складе Псковского областного аптекоуправления бумага выдерживалась от нескольких дней до нескольких месяцев. Потом начиналась вторая серия, точь-в-точь похожая на первую, если запустить кинолентку задом наперед.

Бумагу снова везли на станцию. Бумагу грузили в вагоны. Бумагу мелкими порциями отправляли во все города страны.

Снова взвизгивали тепловозы, вздрагивал подвижной состав, нервно стучали колеса. В общем, все происходило, как раньше, только не с востока на запад, а с запада на восток.

Бумага ехала в Иркутск и на Алтай. Бумага мчалась в Пермь, Новосибирск, Тюмень и Приморский край. Бумага возвращалась в родную Кировскую область.

В подобной ситуации проще всего предположить ошибку, досадное недоразумение. Кто-то что-то перепутал, и 32 тонны бумаги поехали не в ту сторону. Может быть, так и было?

«На Ваше письмо Псковское областное аптекоуправление сообщает, что по разнарядке к-ры «Росхимфармторг» № 42-1 нам занаряжено получить бумаги фильтровальной 32 тн для переотправки ее другим аптекоуправлениям».

И далее:

«Отправлена за это время фильтровальная бумага 63 аптекоуправлениям (список прилагается)».

Список действительно прилагается. В списке действительно 63 города — вся страна от Ленинграда до Южно-Сахалинска. И ни в один из этих городов кратчайший путь от Лальской фабрики не лежит через Псков. Так уж несподручно устроена география Советского Союза.

Когда-нибудь специальные исследования позволят установить, как влияет железнодорожная прогулка на качество фильтровальной бумаги. Сейчас в этом вопросе еще много неясного: в отличие от мадеры бумагу на вкус никто не пробовал. Тем не менее кое-какие результаты исследований получены. Бумага стала дороже. Так что половина дела сделана.

А пока работа продолжается в том же направлении.

«В ближайшее время, — сообщает Псковское областное аптекоуправление, — при получении контейнеров будет отправлена оставшаяся бумага: Камчатскому АПУ — 300 кг, Сахалинскому АПУ — 300 кг, Свердловскому АПУ — 1 тн...»

И так далее. По-прежнему трясутся вагоны, свистит ветер в колесах и суетятся стрелочники, которые в данном случае нисколько не виноваты.

И вообще, оказывается, никто не виноват. Наоборот, все правы. Потому что у Министерства здравоохранения РСФСР на всю республику имеется один-единственный центральный аптечный склад. И тот в Пскове. А без склада, оказывается, никак не обойтись, поскольку фабрика мелкими порциями ничего не отпускает. Такова жизнь. Таковы неумолимые транзитные нормы отгрузки.

А пока...

— Вира! — кричат в Пскове.

— Майна! — откликаются на Урале и в Якутии.

А бумага молчит. Бумага — она все стерпит. Даже фильтровальная...

А. МАТЛИН

«Довожу до Вашего сведения, что за грубое нарушение правил уличного движения машина шофера Циплухина А. была задержана в г. Фергане, а сам шофер приехал пешком на попутной машине».

(Из рапорта уполномоченного милиции.)
Прислала Л. СОЛОДОВНИКОВА.

Ошская область.

«Кролиководство — наиболее скороспелая отрасль животноводства».

(Из брошюры.)
Выписал О. ФРАНЦЕН.

г. Москва.

«Прошу в порядке оказания технической помощи отгрузить в наш адрес Вашего представителя».

(Из рекламации.)
Переписала Э. КАВАЛА.

г. Рига.

«Граждане судьи, учтите, что у моего подзащитного была очень нервная система, и он находился в обиженной ситуации».

(Из выступления адвоката.)

«Теперь оставшиеся до конца игры две минуты обе команды будут играть в меньшинстве».

(Из репортажа.)
Прислал И. ЧАБАНОВ.

г. Тихорецк.

«В классе была создана бригада по проверке карманов, при такой проверке карманов ничего подозрительного в его карманах не обнаружили».

(Из характеристики.)
Выписал А. НАЛИМОВ.

г. Челябинск.

«Ачинский деревообрабатывающий завод направляет Ацентьева Павла Тимофеевича на ВТЭК для определения инвалидности предплечья правой руки, для определения годности процентов».

Прислала Г. ЖИЛЯНИНА.

г. Ачинск.

«На Вашу жалобу от 26 декабря 1967 года сообщая, что водитель автомашины № 87-05 Гащук Петр Павлович за обрызгивание грязью прохожих разобран на технической автоколонны, где ему вынесено решение подвергнуть углубленной проверке знаний правил движения».

За начальника автоколонны № 2207 —
Б. Ойхермана».

Копию снял Е. ЛОЗЯНКО.

г. Львов.

«Я открыл сумочку у гражданки, которая заметила и сказала, там нет ничего, зачем вы открыли ее, а у меня рентгена нет, чтобы видеть, не открывая сумочки».

(Из объяснения.)
Списал Д. СИЛЬВЕСТРОВ.

г. Душанбе.

«В последнее время наша комсомольская организация стала работать несколько лучше. Это, конечно, с точки зрения металлолома и спортивных достижений».

(Из выступления.)
Записал Ф. АРХИПОВ.

г. Хабаровск.

«Заявление Ввиду того, что после моего заявления Шувалов К. М. жить прекратил, прошу ранее мною поданное заявление производством прекратить».

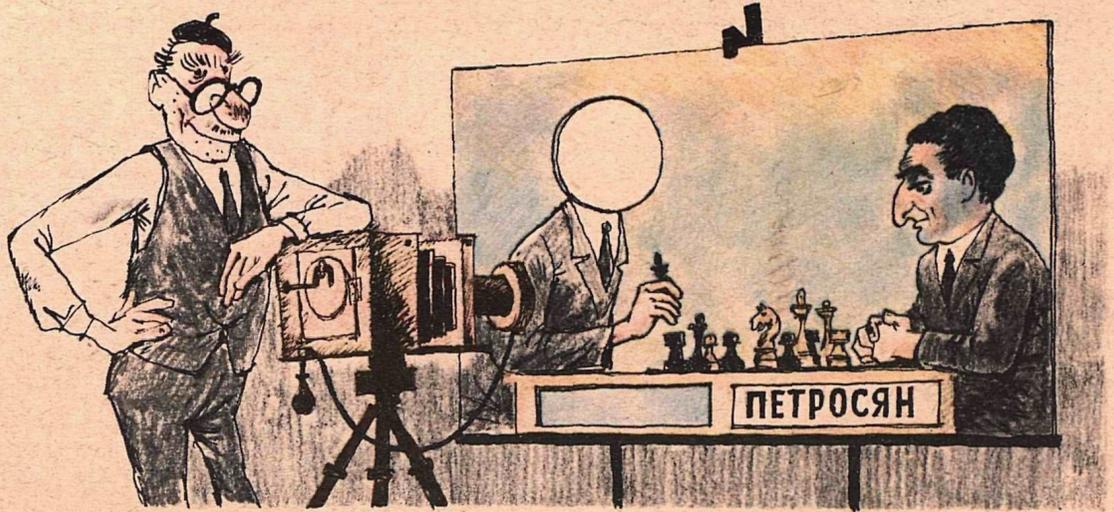
Копию снял В. ПРИСЯЖНЮК.

г. Москва.

«Юридически я безграмотный. Из всех статей уголовного кодекса я хорошо знаком только с мелким указом».

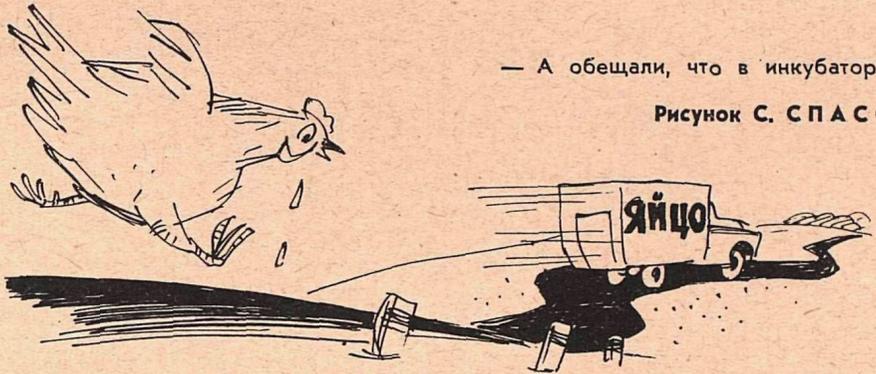
(Из заявления в милицию.)
Прислал А. КАЧАЕВ.

г. Москва.

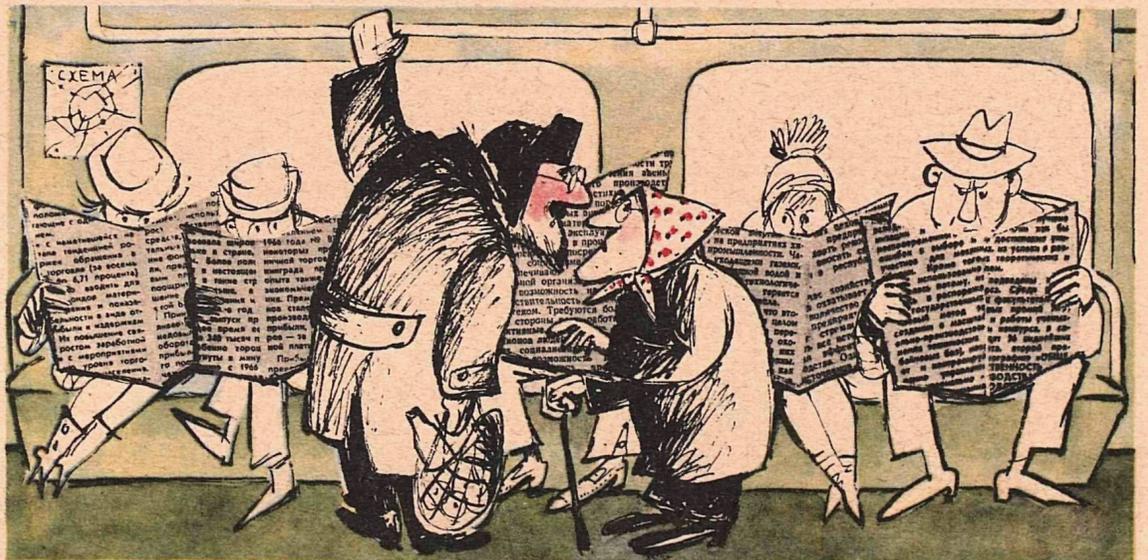
— Каждый может сыграть партию с чемпионом мира!

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

— А обещали, что в инкубатор возьмут...

Рисунок С. СПАСКОГО

— А в наше время грамотных было куда меньше!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

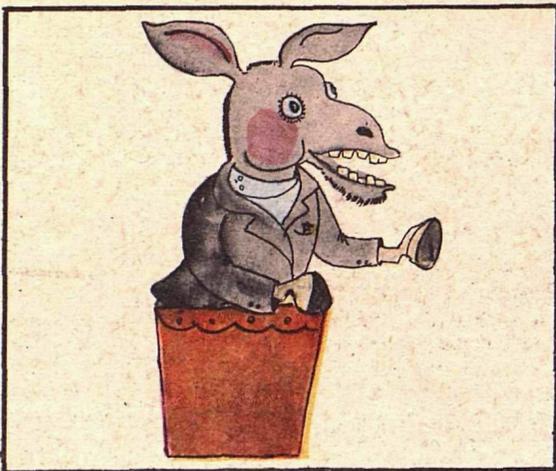
НАТАСКИВАЕТ
— А это, Джек, утка!

Рисунок В. КОРШКОВА

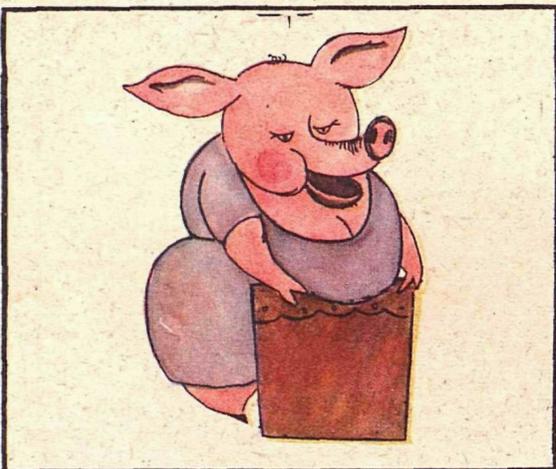

— Н-да, приходится ждать, как в хорошем ресторане!

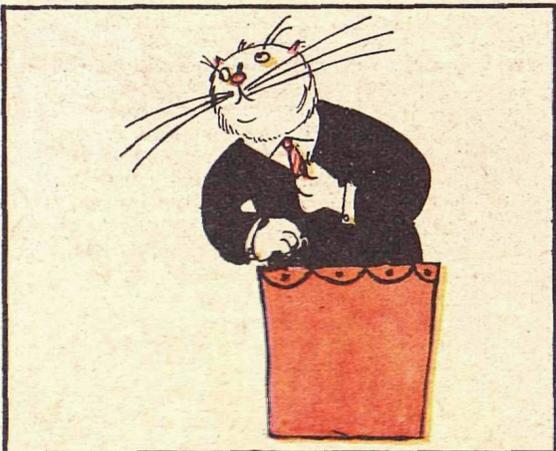
Рисунок М. ВАЙСБОРДА

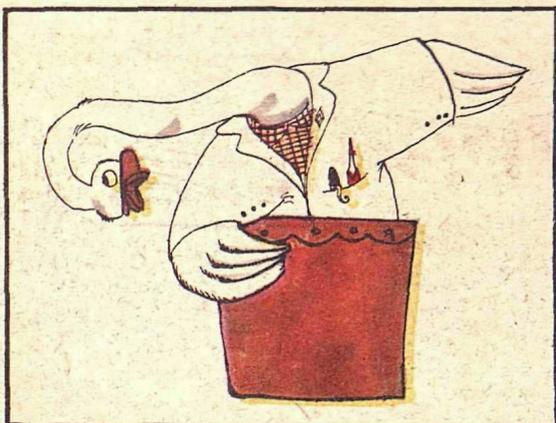
— Вот я осел, а вынужден работать, как лошады!

— Позвольте мне высказать некоторые соображения о методах повышения урожайности апельсинов.

— Говорят, что я, работая на складе, устроил себе сплошную масленицу. Клевета, я атеист!

— Я хотел бы по-товарищески покритиковать свинью.

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

Отдайте трешку!

Место действия — город Невель, железнодорожная станция. Действующие лица: профсоюзный активист Солодкий, профсоюзный активист Пашкова и просто активист Донец.

Прочитав это, лица возмущаются. Мы ничего такого не делали, скажут они. Мы не забывали в горящем доме одиноких старушек. Мы не сидели в автобусе, когда рядом, в проходе, томился кто-либо на одной ноге и двух костылях.

Правильно, ничего такого лица не делали. Но ведь бездушие не менее изобретательно, чем пылкая любовь, которой ставят препятствия. А кроме того, оно брезгает нынче выражать себя слишком вульгарно. Оно рядится в изящные маски. Оно выступает, например, в роли чуткости.

— Вот-вот! — хором обрадуются вышеупомянутые активисты. — Чуткость — это как раз то. Мы были именно чуткими.

Сперва были чуткими Солодкий и Донец. Один из них навел заболевшую работницу Ломанову и положил ей на тумбочку триста граммов сливочного масла и банку компота «Вишня». Заметьте, что все это было приобретено на личные сбережения Солодкого и Донца. Работница Ломанова растроганно прослезилась.

Спустя неделю другой активист — Солодкий — навел казначея месткома Пашкову и вежливо потребовал компенсировать истраченные сбережения.

— Три рубля, — сказал он, — ноль-ноль копек.

Казначей не проронила ни слова. Она молча поднялась и загородила сейф с деньгами собственным телом.

— Это грабеж! — сдавленно прошептал активист.

— Не грабеж, а финансовая дисциплина.

— Отдайте мою трешку!

— Дудки! Чтоб с меня потом вычли? За мой счет чуткость проявлять хотите? — И Пашкова принялась демонстративно разглядывать потолок.

Ах, какие кошки заскребли на душе товарища Солодкого! Он резонно заметил, что тоже не собирается проявлять чуткость за свой счет. Тем более, что председатель месткома товарищ Ильющенко обещал компенсировать трешку. А иначе разве пошли бы они в больницу? А иначе разве покупали бы они сливочное масло и компот «Вишня»?

Казначей Пашкова Ксения Михайловна! Отдайте скорей трешку! Ведь еще минута, и активист Солодкий потребует, чтобы трешку удержали с заболевшей Ломановой.

Минута прошла, активист потребовал. Ломанова долго пролежала в больнице, и местком выделил ей единовременное пособие — десять рублей. Вот из этой-то десятки Солодкий и предложил изъять свои кровные три рубля. А большой объяснить, что пошли они на компот и сливочное масло.

Казначей призадумалась. Она не знала, имеют ли они право удерживать. На всякий случай сказала «нет» и прибавила, что коли уж председатель обещал компенсировать, то пусть ей представят счет на купленные продукты.

Счет достали. Казначей Пашковой принесла его выздоровевшая к тому времени Ломанова. Солодкий и Донец строго наказали ей, чтобы без денег она не возвращалась.

Теперь представьте: вы болеете, вас навещают сослуживцы и приносят вам банку компота. А через две недели вам вручают счет и говорят: будьте любезны, коли вы кушали компотик, то побеспокойтесь об оплате его.

— Какой компотик? — недоуменно спрашиваете вы.

— Ну помните, мы вам приносили? «Вишня» называется.

Но обождите, читатель, это не все. Как вы думаете, что сделала казначей Пашкова, когда получила счет? Деликатно убрала его в стол и заговорила о другом? Нет. Казначей Пашкова для начала попросила Ломанову расписаться в получении продуктов.

— Пожалуйста, поразборчивей и не забудьте дату.

Ломанова расписалась поразборчивей и поставила дату. Она вела себя очень прилежно: надо было выручать истраченные на нее деньги.

Пашкова внимательно изучила счет. Затем она поинтересовалась, что именно было принесено в больницу.

— Как что? Ну, компот, масло...

— Сколько масла? — живо спросила Ксения Михайловна и повернула настольную лампу так, чтобы свет падал на лицо посетительницы. — Отвечайте не задумываясь.

— Двести, может. Или триста.

— Двести или триста?

— Не помню точно. Кажется, триста.

Ксения Михайловна сощурилась.

— Зачем же вам столько масла в больнице? Я полагаю, вы не жарили блины в палате?

Короче, счет Пашковой не понравился, и она отправила Ломанову назад за другим счетом, где было бы все точно указано: что куплено, в каком количестве и по какой стоимости.

— Принесли деньги? — строго спросил активист Солодкий.

— Нету. Не дали. Счет, говорят, другой надо.

Активист шарахнул по столу кулаком и позволил казначею Пашковой. Начался обмен мнениями.

— Отдайте трешку! — кричал Солодкий.

— Это не так просто, — отвечала Ксения Михайловна. — И вообще три рубля много. Полтора рубля я вам оплачу, извольте, а больше не положено.

Человек, который имел неосторожность съесть компотик, покорно сидел на стуле, ждал, чем закончится торговля.

— Как так не положено? Где это записано такое?

— Нигде не записано. Не положено, и все. Полтора рубля мы вам оплатим, а остальные полтора пусть сама больная внесет. Она продукты потребляла? Потребляла. Пусть и оплачивает пятьдесят процентов.

Потом были новые варианты, новые счета из магазинов, были жалобы. Солодкий написал в Москву, в «Крокодил». Пусть, мол, тоже разбираются.

Корреспондента активист встретил восторженно.

— Трешку отвоевывать приехали? Наконец-то! Тут, знаете, такое сражение, а помощи никакой.

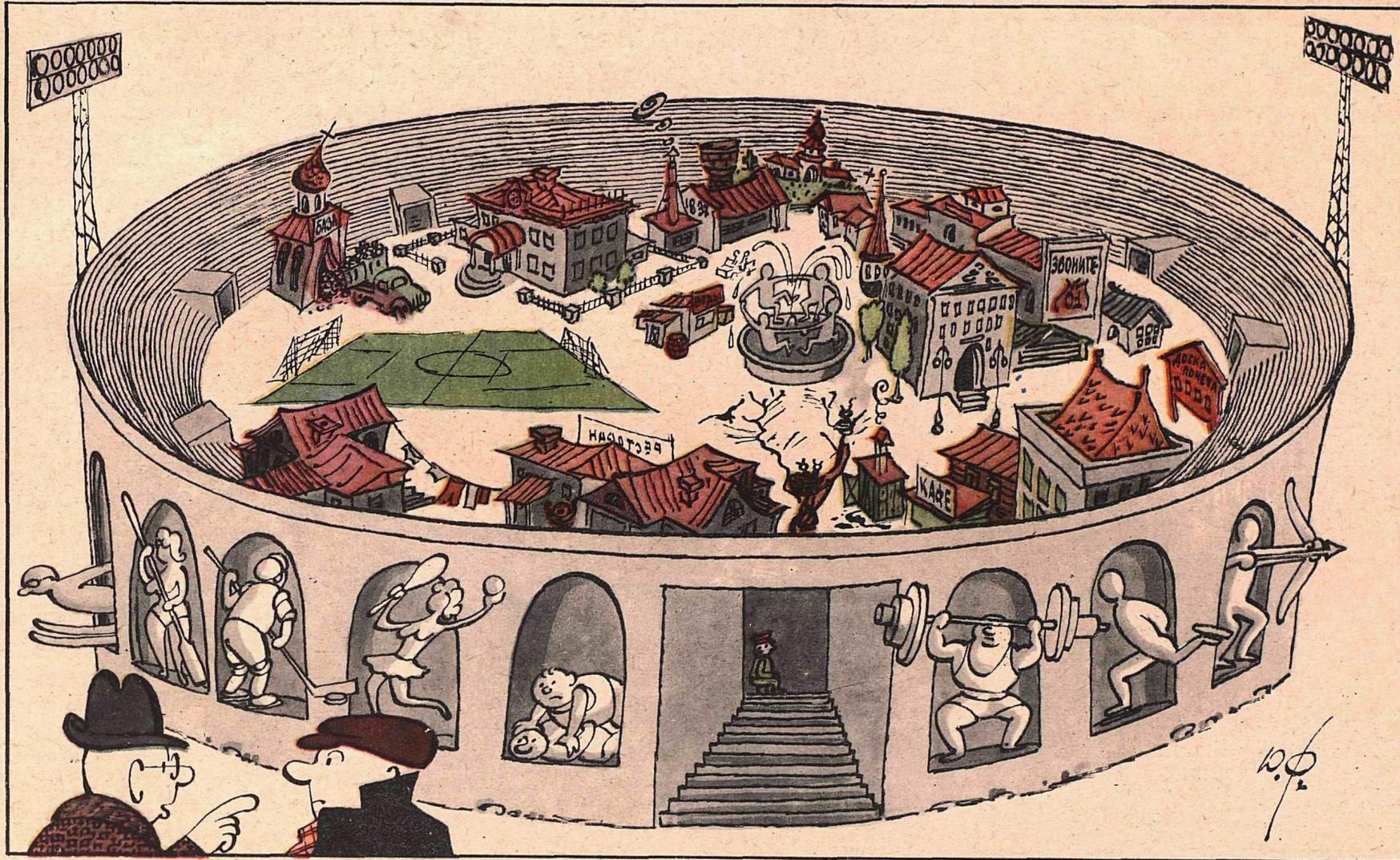
— Никакой, — подтвердил Донец. — Вот и делай после этого добро людям.

Казначей Пашкова тоже обрадовалась гостю из Москвы. В глазах ее светился энтузиазм. С упоением повествовала она о подвигах, каковые совершила, отстаивая месткомовскую трешку.

Словом, все были настроены воинственно, в весеннем воздухе призывно носились боевые кличи. Только Валентина Григорьевна Ломанова была тиха и печальна. Она робко заметила, что если, не дай бог, она опять захворает, то, пожалуйста, не надо навещать ее. Ей больше не хочется компота.

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила.

г. Невель,
Псковской области.

— И много он вмещает?
— Весь город.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

А. ПАВЛОВА

Перевыборное собрание шло своим чередом. Докладчик битый час жевал мочалку. Выступавшие в прениях пили воду. Сидевшие в президиуме чинно смотрели вперед.

Остальные томилась, оживляясь только тогда, когда угадывали по интонациям ораторов, что они закругляются. Секретарь исписывал десятый лист бумаги, когда в зале поднялась рука и некий молодой человек попросил слова. После легкого шока, охватившего членов президиума (молодому человеку никто выступать не поручал и, что хуже всего, он был никому не известен), ему все-таки предоставили слово.

— Товарищи! — начал оратор. — Я хотел бы наряду с большими достижениями коллектива отметить и кое-какие недостатки. Я хотел бы остановиться на работе членов правления общества. К примеру, скажем, на работе первого заместителя председателя.

Первый заместитель, не ожидавший такого выпада, беспокойно заерзал на стуле, стараясь всем своим видом показать невозмутимость и даже безразличие.

— Почему ему прямо никто не скажет, что он живет чужими мыслями? Он говорит только то, что ему

напишут, и выдает за свои идеи. При всем том он состоит председателем еще десяти комиссий, в которых также палец о палец не ударил.

И молодой человек, оглядев притихший зал, продолжал:

— Или вот уважаемый второй заместитель председателя. Работает с людьми, а ведь недобрый он человек, недоброжелательный. Во всех видит только плохое, ни о ком хорошего слова от него не услышишь. И при всем том склочник: медом не корми, дай кого-нибудь пооссорить. Но попробуй скажи об этом — любого перекусит в самом чувствительном месте.

Второй заместитель сделал вид, будто что-то записывает и поэтому может и не слышать, что о нем говорится.

— А ведь верно говорит! — зашумели в зале. — Правильно! Молодец!

— А ответственный секретарь? Да это же ходячий параграф. Если бы его можно было размонтировать, как электронное устройство, мы не нашли бы в нем ни души, ни сердца.

Тем временем председатель правления, умевший носить маску полного спокойствия и даже удовольствия от здоровой критики, взял себя в руки и, доброжелательно улыбаясь, стал смотреть на оратора. Его глаза теплели и теплели. «Интересно, — думал он, — будет ли он говорить о подхалимах, которыми я себя окружил? Придется в заключении признать ошибки и выразить благодарность за критику. Ишь, как его с удовольствием слушают!»

— А еще, — продолжал оратор, — я хочу покритиковать председателя правления.

Доброжелательная улыбка на лице председателя стала еще шире.

— Я хочу покритиковать его за то, что он совсем не развивает критику и самокритику. Вот я слушал десять ораторов до меня, и все они говорили по бумажкам. Как готовятся собрания? По сценарию! Пишется доклад, подбираются выступающие. А председатель собрания делает знак, когда кому выступать. Вот почему я считаю, что председатель общества «Двигатель внутреннего сгорания» должен...

— При чем здесь общество «Двигатель внутреннего сгорания»? — все еще не снимая широкой улыбки, спросил председатель оратора.

— А разве это не отчетно-перевыборное собрание общества «Двигатель внутреннего сгорания»?

— Нет, — ответил председатель, все еще не пришедший в себя. — Это общество садоводов-любителей, а «Двигатель внутреннего сгорания» помещается этажом выше.

И вдруг все увидели, как лицо оратора стало приобретать цвет спелого анисового яблока. Едва он выскочил за дверь, как уважаемый председатель сделал резюме. О каждом из десяти ораторов он сказал что-нибудь очень хорошее, а по поводу одиннадцатого выразился так:

— Это досадное недоразумение всем нам показало, до чего докатились в «Двигателе внутреннего сгорания», каковы там порядочки.

А потом все дружно подняли руки и выбрали в правление общества еще на один срок председателя, его обоих заместителей и ответственного секретаря. И довольные разошлись по домам.

Тут подошел Киндзюлис

(Из литовского юмора)

— Люди! — во все горло закричала женщина. — Я только села в поезд, а у меня уже успели стащить кошелек!

Тут подошел Киндзюлис и сказал:

— Но ведь это скорый поезд.

— Какие женщины тебе нравятся: болтливые или наоборот?

Тут подошел Киндзюлис и сказал:

— А бывает ли наоборот?

— В кабинет нашего начальника можно войти когда захочешь. Даже не постучавшись.

— Не может быть, — удивились люди.

Тут подошел Киндзюлис и сказал:

— Может: там сейчас ремонт.

— Что? Вы хотите купить эту картину за четыре рубля? Но ведь один только холст стоил четыре двадцать.

Тут подошел Киндзюлис и сказал:

— Но ведь он в то время был чистым.

— Почему вы бьете мальчика?

— Он меня обозвал толстой.

Тут подошел Киндзюлис и сказал:

— А вы думаете от этого похудеть?

— Сегодня напьемся до смерти, — говорили мужчины по пути в ресторан.

Тут подошел Киндзюлис и сказал:

— Идемте, я хочу умереть вместе с вами.

Студенту, прибывшему в колхоз на практику, вывели коня и телегу. Собираясь ехать в поле, он стал запрягать коня задом наперед.

— Не так ты, сынок, запрягаешь, — заметил конюх.

Тут подошел Киндзюлис и сказал:

— А откуда вам известно, в какую сторону он поедет?

— Какой плохой перевод! Не знаете ли, кто перевел этот роман?

Тут подошел Киндзюлис и сказал:

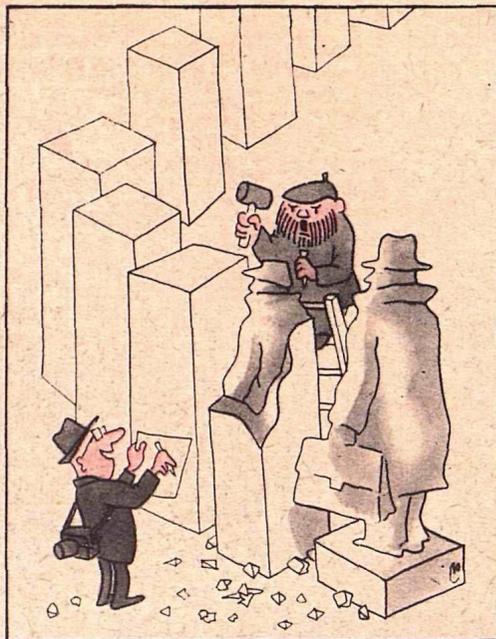
— Никто. Это оригинал.

Два старых холостяка предаются воспоминаниям о своей юности.

— Женщины меня на руках носили! — хвалился старший по возрасту.

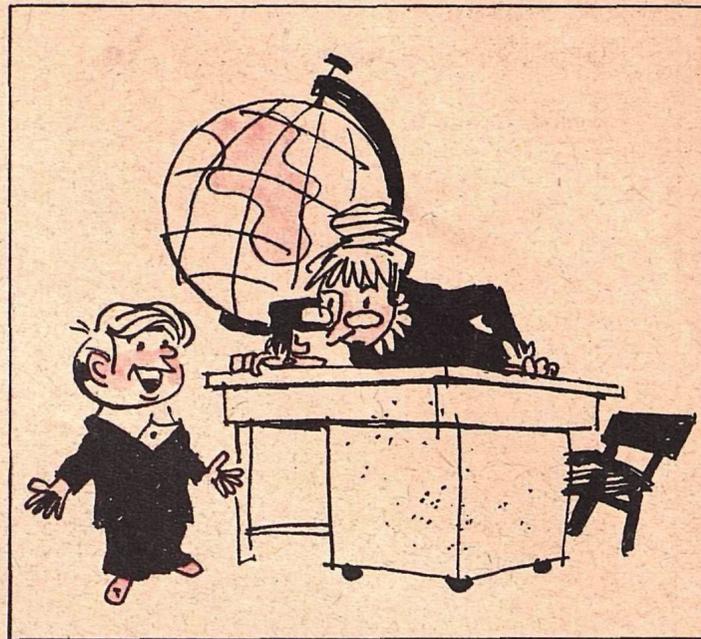
Тут подошел Киндзюлис и сказал:

— Теперь ясно, почему ты такой поношенный.

— Я работаю над скульптурной композицией «Очередь за билетами на премьеру».

Рисунок Ю. СТЕПАНОВА

— Ну, что вам рассказать про Сахалин? На острове нормальная погода...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

по тому же поводу...

За кем дело стало?

Нет, мы этого не хотели. Не хотели мы этого — дважды писать об одной и той же истории. И вот приходится. Не хочется, а надо. Ничего не поделаешь. Прокрутим ленту событий сначала.

19 декабря 1966 года в 8 часов утра жильцы дома № 10 по улице Бутырина в г. Орджоникидзе А. Кабанов и П. Оганесян обнаружили на лестничной площадке пятого этажа странного, неизвестного в этих краях зверька. Позвонили в охотничье общество. Там дали совет: «Изловите и отнесите в охотинспекцию, они разберутся».

А. Кабанов и П. Оганесян отловили зверька и доставили в охотинспекцию.

Старший госохотинспектор — охотовед Госохотинспекции при Совете Министров Северо-Осетинской АССР Мурат Ильич Фарниев был проникателем, суров и не склонен к компромиссам.

— Это енотовидная собака, — определил он. — Ценный зверь. Завезен к нам из Уссурийского края. Браноньеры! Составить протокол!

И составили в инспекции протокол «О нарушении правил и сроков охоты». И записали, что Кабанов и Оганесян «допустили нарушение, выразившееся в незаконном отлове енотовидной собаки в период полного запрета всякой охоты».

Это была нелепая и, разумеется, не делающая чести тов. Фарниеву история. И поэтому о ней стоило рассказать читателям (см. «Крокодил» № 9, 1967 г., заметка «Охота пуце неволи»).

Что сделали бы на месте М. И. Фарниева я, ты, мы, он, она, они? Написали бы в редакцию: да, увы, поторопился, ошибся, обидел честных граждан, за что готов перед ними извиниться.

А как же, в самом деле, иначе? А вот как. М. Фарниев посылает нам письмо, в котором требует «дать опровержение потому, что вы меня выставили на посмешище всему Союзу». Аргументы:

1. «Где и как отловили енотовидную собаку — это нам неизвестно».

2. «За период моей работы не было случая, чтобы енотовидная собака забралась на пятый этаж».

3. «Не было случая, чтобы у меня было замечание по работе, кроме премии».

Вслед за этим письмом пришло и другое — от главного госохотинспектора Госохотинспекции при Совете Министров СО АССР М. Цораева. Впрочем, ничем новым в сравнении с письмом М. Фарниева оно не блистало. Те же доводы и тот же вывод: дайте, мол,

опровержение. И даже пишущая машинка та же.

Оба письма были получены еще в мае прошлого года. И, откровенно говоря, мы не поторопились предавать их огласке только из гуманных соображений. Опять погорячился М. Фарниев, подумалось нам, и даже заразил этой горячностью своего непосредственного начальника. И, наверное, сидят они теперь, смущенные, в ожидании реплики «Крокодила» по поводу их неуклюжих и смехотворных аргументов.

Ибо судите сами:
1. О том, «где и как» отловили злосчастную собаку, черным по белому записано в том самом протоколе, составитель которого так поспешил тов. Фарниев.

2. Если за период работы тов. Фарниева енотовидные собаки забирались не выше четвертого этажа, то может статься, что даже и пятый этаж для них не предел.

3. Что касается безузоризированной служебной биографии тов. Фарниева, то, как давно известно, такая биография, к сожалению, не может быть надежной защитой от коварной формулы «И на старуху бывает проруха».

В общем, хотелось верить, что у опровергателей в конце концов хватит мужества признаться не только в допущенной ошибке, но и в безрассудно-запальчивом нежелании ее исправить. Наконец, хотелось узнать, как смотрят на все это вышестоящие организации. Но они молчали.

И вот на днях к нам пришло письмо от М. И. Фарниева. Он вновь требует очистить его доброе имя от темного пятна.

Повторяем, Мурат Ильич, мы не хотели еще раз упоминать ваше имя в журнале. Вы сами этого добились. Не так ли?

И мы по-прежнему готовы не возвращаться больше к этой истории. Но для этого Вам нужно наконец-то извиниться перед оскорбленными Вами тт. Кабановым и Оганесяном и, разумеется, сделать для себя выводы из всего происшедшего. Так что милости просим.

Надеюсь, М. Цораев поможет Вам, не мешкая, завершить эту досадную эпопею.

Еще о шефстве

В № 21 за прошлый год был опубликован фельетон «Маэстро, точите лопату!». Бедолага маэстро, вырванный из творческих недр композитики, был брошен на шефскую копку картошки в колхоз.

И много других людей разделило его судьбу.

Приятно, нехлопотно было бы ограничиться малым. Сообщить, что фельетон обсуждался на бюро Но-

вокузнецкого райкома КПСС и признан полезным. Что отныне в новокузнецких полях, куда раньше скликали тысячи горожан, теперь будет занято человек с полтысячи — остальное сделает техника. Тут бы и поставить жирную точку.

Но пришли еще письма. Родился обширный отзыв. Ибо картошка широко растет по стране.

Шефы писали нерадостно и пространно. «Шефство! — писал вологодский Ложнов. — Где-то хоть балуются этим словом. А у нас и слово изжили. Приказной порядок: в колхоз, и никак!»

Горожанин в Прокопьевске, желающий ударным трудом залатать бреши в плановых показателях своего предприятия, не может попасть на работу. Линейные городские автобусы — на уборочной.

Ребенок товарища Гришаева из Житомира едет в трясном автобусе. Всех школьников с шестого по десятый классы наладили работать в колхоз. И ты дай сыну ведро, дай ему обуви для хождения по жидкому, дай ему деньги на проезд и дай ему с собой бутербродов. Потому что колхоз и по кружке молока не даст.

И Жеребцов из Днепропетровска: «А студенты? Про студентов забыто?»

Конечно, студенты. Сотни тысяч студентов выезжают в поля, чтобы помочь селу, а заодно приработать. Но не могут они приработать, потому что сильно общипывают при расчете доверчивых студентов, а отсюда развивается последующая леность, скепсис и трения.

Отовсюду, где есть почта, пишут люди, что несправедливо и однобоко устроены осенние отношения города и деревни. Пишут о страшной избалованности особенно пригородных колхозов и совхозов. Нет разумной основы у шефской помощи.

И, опсентябрившись, покусанный деревенскими злыми собаками, тощий до того, что все на нем крутится — пояс, кольцо на пальце, часы на руке, — городской житель уезжает домой из полей и везет с собой то единственное, чем он пользовался от колхоза: маленько землицы для кактусов и маленько песочка для кошки.

А потом — бывает и так — замалчивается доля труда горожанина, где-то приписываются его труды на счет колхоза, и ложится на грудь председателя орден.

И хочется получить еще несколько писем от Министерства сельского хозяйства. Уж коли кругом такая нормализация, так трудно ли нормализовать еще одну малость.

Чтобы шеф имел долю от сельских прибылей.

Чтобы заключались шефские договоры.

Чтобы шефа любили.

А?

Профессиональная болезнь

Мое стопятидесятилетие отмечалось бурно. Гвоздем программы была моя пляска с прапрапраправнучкой. Наутро, как всегда в таких случаях, у меня закололо в бок, и я впервые решил сходить к врачу.

Дождавшись своей очереди, я вошел в кабинет. Терапевт сидел за столом и что-то писал. Через пятнадцать минут он поставил, наконец, точку, облегченно вздохнул и спросил:

— На что жалуетесь?

— Да вот отмечал вчера день рождения, а сегодня заболел бок, — сообщил я.

— Старая история, — укоризненно покачал головою врач, — разве обязательно на дне рождения напиваться и прыгать до коликов?

— Да я не хотел, — виновато объяснил я, — но вот другие... Им все время кажется, что я отмечаю день рождения в последний раз и должен навеселиться.

— Ну, ладно. Когда вы почувствовали боль в первый раз?

— Точно не помню, — сказал я, — но на одном из дней рождений.

— А потом?

— Потом, когда отмечал день рождения лет через двадцать.

— Ясно, началось с детства. Дальше.

— Потом лет пятьдесят вроде ничего, но в столетний юбилей слегка переутомился. Когда сто двадцать стукнуло — тоже немного перебрал.

— Обождите, — перебил он удивленно, — сколько же вам теперь?

— Сто пятьдесят, — сказал я и показал свой паспорт.

Врач несколько минут ошарашенно смотрел на меня, а потом спросил:

— Вы знаете, в какое положение меня ставите?

— А что? — забеспокоился я.

— Мне придется целую неделю писать историю вашей болезни, а у меня и так от писанины правая рука отнимается. Профболезнь медиков.

И он, морщась от боли, попытался разогнуть свои пальцы.

— Чем я могу вам помочь? — сочувственно спросил я.

— Знаете, — сказал он умоляюще, — идите к частнику. Я даже могу за вас заплатить.

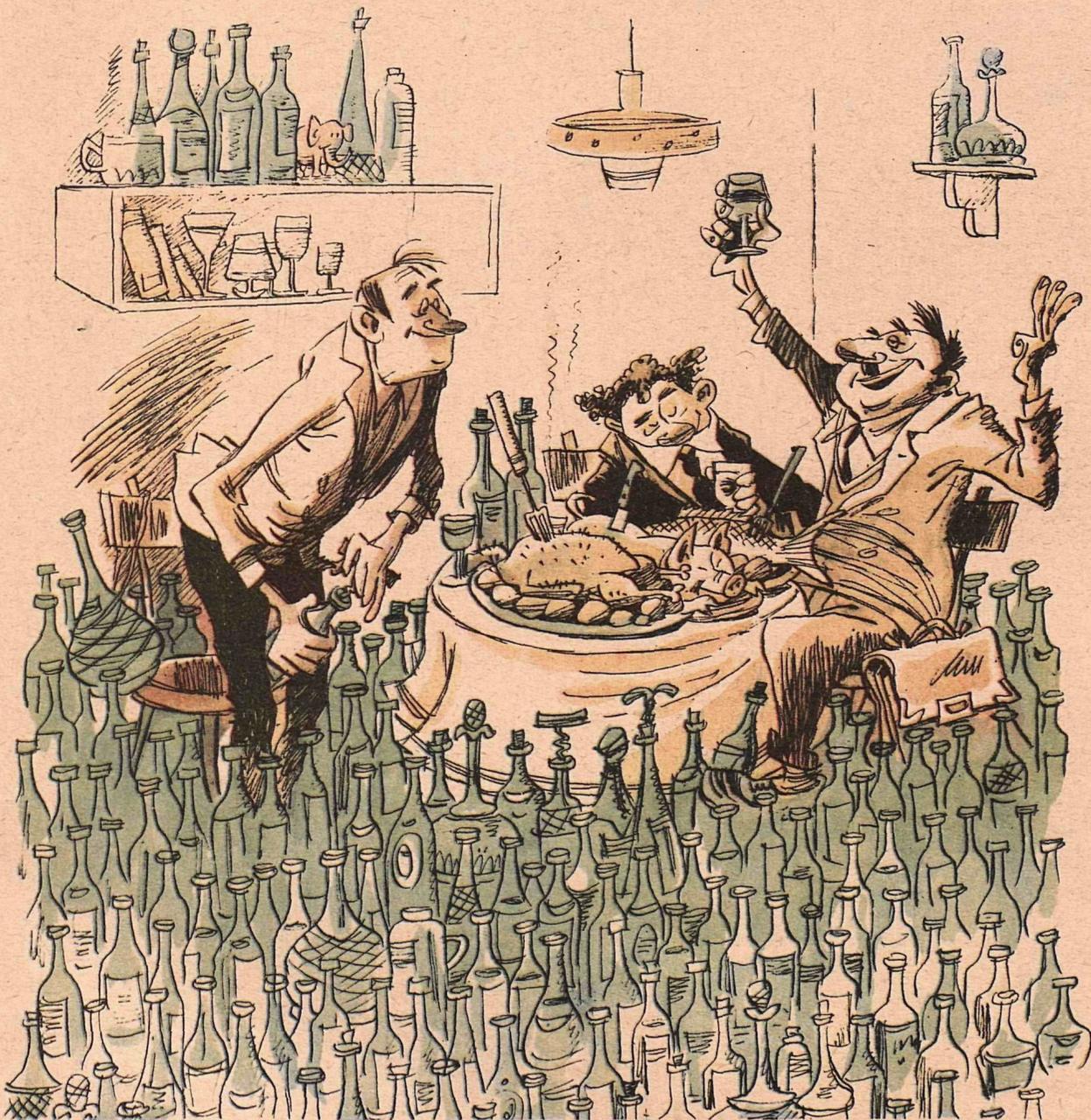
Я шел по указанному им адресу, придерживаясь за собственный бок, и думал, что будет, когда мне исполнится двести лет. Отмечать все равно придется, частной практики уже не будет, а история болезни станет еще длиннее.

г. Ярославль.

К шестидесятилетию писателя-сатирика Наума Давыдовича ЛАБКОВСКОГО

Дружеский шарж И. СЕМЕНОВА

— Да, тесновато тут у тебя, придется дать трехкомнатную квартиру.

Рисунок И. СЫЧЕВА

КРОКОДИЛ

№ 11 (1877)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК ШЕСТОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Гинуков, В. Жаринов, В. Каневский, В. Коршнов, Н. Корякин, В. Птицын, Н. Станиславский, Ю. Степанов, В. Тильман, Е. Шабельник.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

5 0-10-86
5 3 34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(ответственный секретарь)
Б. А. ЕГОРОВ
(зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

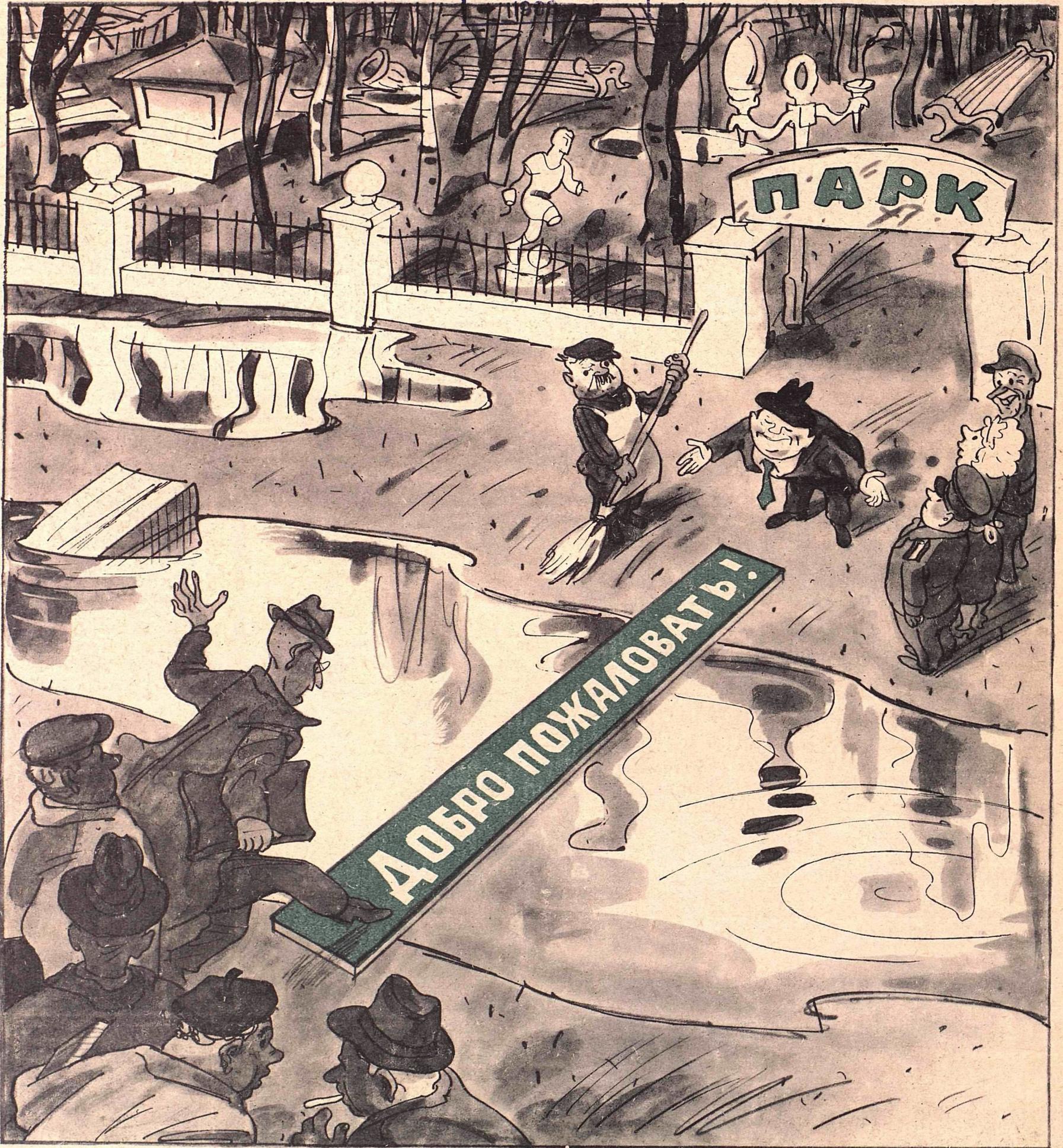
А 00058.
Подписано к печати
8/IV 1968 г.
Формат бумаги 70×108¹/₈.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 600 000 экз.
(1 завод: 1—3 866 650).
Изд. № 401.
Заказ № 795.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

8951 ДУ 8
8 АПР 1968

20168

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛЬ, МОСКВА

ВСТРЕЧАЮТ КОМИССИЮ

Рисунок В. ЖАРИНОВА